

100

ВЕЛИКИХ ТАЙН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Борис Вадимович Соколов
100 великих тайн Первой Мировой
Серия «100 великих (Вече)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16898436
Сто великих тайн Первой Мировой: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-1108-7, 978-5-4444-7552-2

Аннотация

Первая мировая война – это трагический переломный этап в истории всей европейской цивилизации, ознаменовавший начало XX века, повлекшего за собой революционные потрясения и массовый террор. Карта Европы оказалась полностью перекроена; распались самые могущественнейшие империи мира. На их месте возникли новые государства, противоречия между которыми делали неизбежной новую мировую войну. Что мы знаем о Первой мировой войне? Сотни томов, изданных в советское время, рассказывали нам о ней исключительно с «марксистско-ленинских» позиций. Монархия, которая вела эту войну, рухнула, и к власти пришли ее наиболее радикальные противники, стремившиеся стереть из истории все, что было связано с «проклятым царизмом». Но все же нельзя отрицать, что именно Первая мировая стала войной «нового» типа: и по масштабам втянутых в нее государств, и по размерам действующих армий, и по потерям. На страницах этой книги оживают как наиболее трагические страницы Великой войны, так и наиболее яркие, а также незаслуженно забытые события 1914–1918 гг. Всё это делает Первую мировую поистине самой таинственной войной в истории нашего Отечества.

Содержание

Тайна названия «Первая мировая война»	5
Тайна создания Антанты	7
Тайна создания Тройственного союза	10
Тайны целей и причин Первой мировой войны	13
Тайна сараевского убийства	16
Тайна, в которой война рождалась. Июльский кризис 1914 года	19
Тайна вступления в войну Англии	24
Тайна «Дредноута»	26
Тайна самолета «Илья Муромец»	28
Тайна цеппелинов	33
Тайна «Красного барона» Манфреда фон Рихтгофена	35
Тайна Макса Иммельмана	38
Тайна Освальда Бёльке	40
Тайна Петра Нестерова	42
Тайна Евграфа Крутеня	45
Тайна Александра Казакова	47
Тайна Павла Аргеева	50
Тайна Александра Прокофьева-Северского	52
Тайна Эдварда Рикенбакера	55
Тайна Рене Фонка	58
Тайна Жоржа Гинемера	60
Тайна Эдварда Мэннока	62
Тайна Уильяма Бишопа	65
Тайна Вальтера Николаи	68
Тайна Макса Ронге	75
Тайна полковника Альфреда Редля	79
Тайна Николая Батюшина	86
Тайна сэра Джорджа Мэнсфилда Смита-Камминга	90
Тайна плана Шлиффена	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Борис Вадимович Соколов

100 великих тайн Первой Мировой

«Сто великих»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство „Вече“». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Соколов Б. В., 2014

© ООО «Издательство „Вече“», 2014

Тайна названия «Первая мировая война»

Как легко догадаться, название «Первая мировая война» стало употребляться только после того как 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. До этого чаще всего употреблялось название «Великая война», несколько реже – просто «Мировая война». В России до Октябрьской революции 1917 года, кроме названия «Великая война», в ходу были такие официальные названия как «Вторая Отечественная война» и «Великая Отечественная война» и такие неофициальные названия как «Большая война», «Великая Европейская война» и «Германская война». Последнее название подчеркивало, что это была первая война против германского государства после Семилетней войны 1756–1763 годов, равно как и то, что в Первой мировой войне Германская империя была главным противником Российской империи. После революции Первую мировую войну в СССР вплоть до начала Второй мировой войны называли «империалистической войной», а название «первая мировая война» писали со строчной, а не с заглавной буквы. Во время войны пропаганда царского правительства стремилась уподобить ее Отечественной войне 1812 года, которую стали называть «Первой отечественной войной». Этому способствовало то, что незадолго до начала Первой мировой войны, в 1912 году, с большим размахом праздновался 100-летний юбилей войны 1812 года. По образцу борьбы против «Великой армии» Наполеона пытались создавать конные партизанские отряды из регулярной и казачьей кавалерии, которые оказались почти бесполезны в условиях позиционной войны и в лучшем случае могли осуществлять лишь разведывательные поиски. Главное же, русская армия сильно изменилась за прошедшие сто лет, и изменилась далеко не в лучшую сторону. В 1812 году русская армия была профессиональной армией, состоявшей из солдат-рекрутов и офицеров-дворян, подавляющее большинство из которых имело уже к началу войны достаточный боевой опыт. Эта армия насчитывала порядка полумиллиона человек и могла практически на равных сражаться с французской армией – в тот момент лучшей в мире армией. Общая социальная и экономическая отсталость России от Западной Европы тогда еще не сказывалась на армии, поскольку значительное по численности население и ресурсы Российской империи позволяли содержать сильную армию, не уступавшую лучшим западноевропейским армиям. Тогда хватало мануфактур, чтобы обмундировать войска и снабдить ее пушками и ружьями с достаточным запасом ядер и пуль. В войну 1914–1918 годов ситуация была совсем иной. Российская армия к 1917 году насчитывала порядка 10 млн человек, а кадровая армия оказалась выбита почти полностью уже за первые три месяца войны. В 1917 году армия состояла главным образом из новобранцев, не имевших большого боевого опыта и слабо понимавших цели войны, поскольку большинство из них было неграмотно или малограмотно. Офицеры тоже в значительной мере были прапорщиками и подпоручиками военного времени, не имевшими большого авторитета у своих подчиненных. В войне 1812 года, по крайней мере, офицеры вполне сознавали цели войны – служба императору и сохранение величия России, для чего требовалось сокрушить армию неприятеля, и умели внушить это своим подчиненным. В Первую мировую войну офицеры военного времени, как правило, не являвшиеся потомственными дворянами, имели о целях войны весьма смутное представление и не питали большого почтения к последнему русскому монарху, да и к монархии в целом. А уж миллионам солдат цели войны в виде завоевания Константинополя и Проливов или помощи «братской Сербии» были откровенно чужды хотя бы потому, что мало кто знал, кто такие сербы. И, в отличие от войны с Наполеоном, Россия в Первой мировой войне не могла выставить миллионы достаточно боеспособных солдат и сотни тысяч достаточно подготовленных офицеров. А российская промышленность, по объему и качеству производимой продукции в несколько раз уступавшей США, Германии, Англии и Франции, а по уровню про-

изводства на душу населения – также Бельгии, Италии и Австро-Венгрии, не способна была обеспечить армию необходимым количеством винтовок, пулеметов и орудий, а также боеприпасов к ним, не говоря уже о таком современном вооружении как самолеты. Не в состоянии была Россия поддерживать на должном уровне и транспорт, что сыграло роковую роль перед Февральской революцией. Наконец, в 1812 году Наполеон вторгся в русские губернии и дошел до Москвы, что вызвало всплеск патриотических чувств по защите родной земли и развитие партизанского движения, к которому армия агрессора, особенно после сожжения Москвы, оказалось очень уязвима. Век спустя немцы достигли собственно русских губерний только в феврале 1918 года, когда сопротивление русской армии фактически прекратилось. О развитии же партизанского движения тоже не было и речи. Патриотизм же, связанный с объявлением войны, иссяк уже к концу 1914 года. В результате русская армия на равных смогла сражаться только с австро-венгерской армией, раздираемой межнациональными противоречиями, традиционно побеждая турок, но зато начисто проигрывая германской армии. Но война привела к оккупации неприятелем русской Польши, Литвы, значительной части Белоруссии и Латвии и в конечном счете к революции, положившей конец монархии Романовых и приведшей к власти большевиков, что определило судьбу России на протяжении почти всего XX века. Россия потерпела общее поражение, и славные победы русской армии над австрийцами и турками послужили лишь слабым утешением.

Август 1914 г. Мобилизация

По всем указанным выше причинам Первая мировая война подавляющим большинством населения, за исключением, вероятно, достаточно узкой прослойки кадрового офицерства, не воспринималась как отечественная. Поэтому термин «Великая Отечественная война» или «Вторая Отечественная война» применительно к Первой мировой войне употреблялся только в официальных изданиях, но практически не получил распространения в широких слоях населения, в дневниках, частной переписке и т. п.

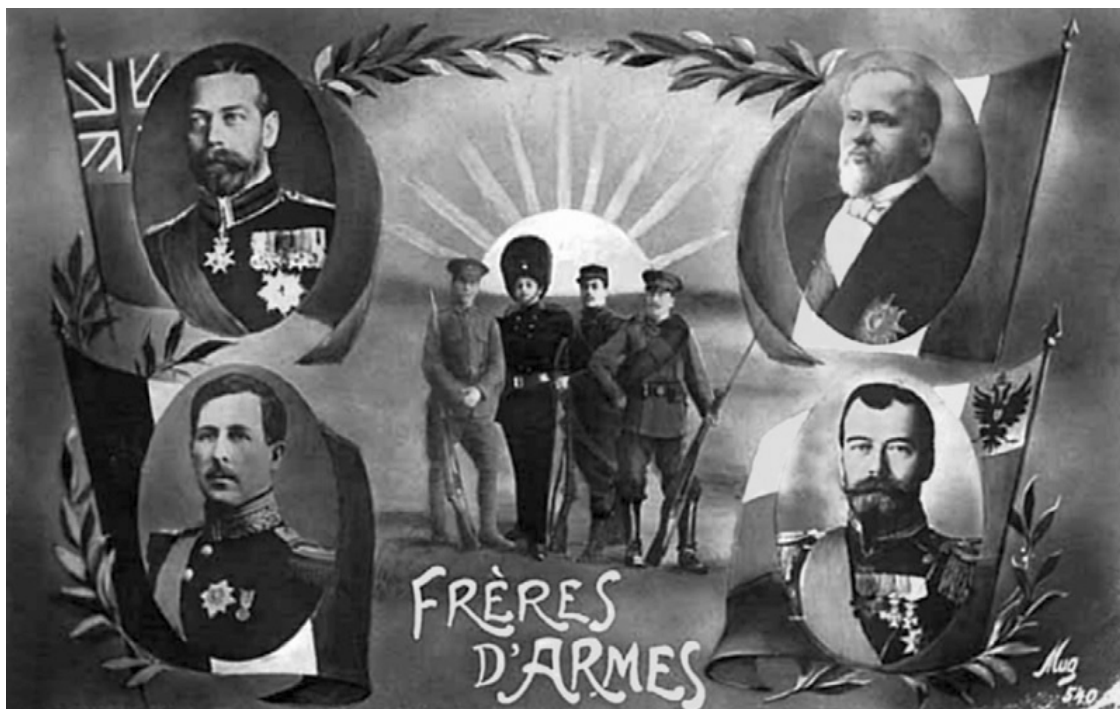
Тайна создания Антанты

Антантой (*фр.* entente – согласие) называли один из двух главных военно-политических блоков, противостоявших друг другу в Первой мировой войне. Однако мало кто знает, что вплоть до начала войны Антанта по сути не являлась военно-политическим блоком.

Основой Антанты стал союз между Францией и Россией. После поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 годов Париж усиленно искал союзников против Берлина и довольно скоро помирился с Россией, против которой Франция еще совсем недавно успешно воевала в Крымскую войну. В 1875 году, когда Германия угрожала новой войной Франции, только поддержка Франции со стороны России предотвратила войну. А когда в начале 1887 года вспыхнула новая франко-германская военная тревога, Франция прямо обратилась за помощью к России. «Судьба Франции находится в ваших руках», – писал в феврале 1887 года французский министр иностранных дел Флуранс послу в Петербурге Лабуле, призывая его убедить русское правительство не связывать себя обязательствами по отношению к Германии. И на этот раз позиция России заставила Бисмарка отступить. По словам императора Александра III, Бисмарк «понял, что раздавить Францию ему не дадут...». Как бы в награду за помощь в 1888–1891 годах Россия получила в Париже крупные займы и разместила во Франции заказ на изготовление 500 тыс. винтовок.

11 (23) июля 1891 года в Кронштадт с визитом прибыла французская военная эскадра. Император Александр III лично приветствовал французскую эскадру. Этот визит стал знаковым в сближении двух стран. 21 августа 1891 года Россия и Франция подписали соглашение о консультации по всем вопросам, затрагивающим интересы двух стран. Его подписали министры иностранных дел России и Франции Н. К. Гирса и А. Рибо. Россия, начиная с 1870-х годов, остро нуждалась в инвестициях в промышленность и транспорт, а также в государственных займах на военные нужды, а Франция могла предоставить и то, и другое. Франция же нуждалась в помощи российской армии в будущей войне с Германией, в ходе которой собиралась вернуть Эльзас и Лотарингию, а если удастся разбить Германию – то и установить контроль над Сааром и левобережьем Рейна. Россия же опасалась установления гегемонии Германии в Европе и возможных германских притязаний на русскую Польшу и Прибалтику.

Между Россией и Францией была заключена секретная военная конвенция от 18 августа 1892 года. Она предусматривала в случае, если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия нападет на Германию, а если Россия подвергнется агрессии со стороны Германии или Австро-Венгрии, поддержанной Германией, то Франция выступит против Германии. Против Германии Франция обязалась выставить 1 300 тыс. солдат, а Россия – 700–800 тыс. солдат. В случае мобилизации войск Тройственного союза или одной из его держав Россия и Франция немедленно и одновременно мобилизуют все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам. 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.) конвенция официально вступила в силу после обмена ратификационными грамотами.

Открытка с портретами лидеров Антанты – Николая II, Георга V, Раймонда Пуанкаре, Альберта I. 1914 г.

Англо-французское соглашение (*фр.* Entente cordiale – букв. «сердечное соглашение») было заключено 8 апреля 1904 года. Франция отказывалась от прав на Египет, оккупированный англичанами, и от прав на рыбную ловлю у Ньюфаундленда, взамен получая свободу действий в Марокко и на Мадагаскаре, территориальные приращения в Сенегале, а также свободу рук в Сиаме и Новых Гебридах (последние стали в 1906 году англо-французским кондоминиумом). Строго говоря, урегулирование колониальных проблем содействовало франко-британским отношениям. Однако никакого формально-обязывающего союзного договора между Англией и Францией заключено не было, поскольку британское правительство, обладая сильнейшим в мире флотом, предпочитало не связывать себя в мирное время.

В 1906 году Россия получает от Франции заем более 800 млн рублей золотом, что помогло справиться с финансовым кризисом, вызванным русско-японской войной.

В Петербурге 18 (31) августа 1907 года российским министром иностранных дел А. П. Извольским и британским послом Артуром Николсоном было подписано Англо-русское соглашение, согласно которому Россия признавала протекторат Великобритании над Афганистаном и соглашалась не входить в прямые сношения с афганским эмиром. Обе стороны признали Тибет частью Китая и отказались от попыток установления контроля над ним посредством посылки военно-научных экспедиций. Персия делилась на три сферы влияния: русскую на севере (её южной границей являлась линия Касре – Ширин – Исфахан – Йезд – Зульфегар), английскую на юге (к юго-востоку от линии Бендер-Аббас – Керман – Бирдженд – Гезик) и нейтральную в центре страны.

Таким образом, Англо-русское соглашение было аналогично Англо-французскому. Российская и Британская империи смогли урегулировать разногласия в колониальных вопросах, но никаких союзных конвенций заключено не было. Можно было только наде-

яться, что Англия придет на помощь Франции и России, если они подвергнутся нападению Германии, поскольку острота англо-германского торгового и военно-морского соперничества делало Англию и Германию непримиримыми врагами. Единственным формальным союзом в Антанте был франко-русский союз. Кроме того, между Англией и Японией существовал заключенный в Лондоне 30 января 1902 года союзный договор, а у России были аналогичные договоры с Сербией и Черногорией. Поэтому в случае вступления в войну Англии можно было ожидать также вступления в войну Японии. С другой стороны, в случае вступления в войну России неизбежным становилось и присоединение к франко-русскому союзу Сербии и Черногории. Но был также риск, что в случае конфликта этих балканских стран с Австро-Венгрией им на помощь должна была прийти Россия, что, в свою очередь, приводило в действие русско-французский союз и Тройственный союз, а потом весьма вероятным становилось вступление в войну Англии и Германии, что делало войну мировой.

К началу Первой мировой войны Антанта фактически состояла из Англии, Франции, России, Японии, Сербии и Черногории. К Антанте в 1915–1917 годах присоединились Италия, Румыния, Португалия, Бразилия, Греция и США, чьи войска принимали участие в боевых действиях. Кроме того, войну Германии объявили все британские доминионы: Канада, Австралия, Южная Африка и Новая Зеландия, также пославшие свои войска на фронт. Войну Центральным державам вслед за США в 1917–1918 годах также объявили Куба, Боливия, Сиам, Либерия, Китай, Перу, Уругвай, Эквадор, Панама, Гватемала, Никарагуа, Коста-Рика, Гаити и Гондурас, не принимавшие, однако, участия в боевых действиях.

Тайна создания Тройственного союза

Начало Тройственного союза, военно-политического блока Германии, Австро-Венгрии и Италии, было положено секретным договором о союзе между Австро-Венгрией и Германией, подписанном в Вене 7 октября 1879 года. Он предусматривал, что если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны России, то оба государства обязаны выступить на помощь друг другу. В случае же если нападение совершила другая держава, то Австро-Венгрия и Германия должны были как минимум соблюдать благожелательный нейтралитет по отношению друг к другу. Если же к державе-агрессору присоединялась Россия, то обе договаривающиеся стороны обязаны были помочь друг другу.

20 мая 1882 года Германия, Австро-Венгрия и Италия подписали секретный договор о Тройственном союзе. Как и австро-германский союз, он был заключен сроком на 5 лет с возможностью последующего продления. Стороны обязались не участвовать ни в каких союзах или соглашениях, направленных против одной из этих стран, консультироваться по вопросам политического и экономического характера и оказывать взаимную поддержку. Германия и Австро-Венгрия обязались оказать Италии помощь в случае, если она «без прямого вызова с её стороны подверглась бы нападению Франции». Италия должна была сделать то же самое в случае неспровоцированного нападения Франции на Германию. Австро-Венгрия вступала в войну в случае вступления в войну России. Союзники приняли к сведению заявление Италии о том, что если одной из держав, напавших на её партнёров, будет Англия, то Италия военную помощь им не окажет (Италия, имея протяженное морское побережье, боялась британского флота). Стороны обязались в случае общего участия в войне не заключать сепаратного мира и держать договор о Тройственном союзе в тайне. В 1891 году было условлено, что срок действия Тройственного союза продлевается до 10 лет. Вступление в Тройственный союз Италии было обусловлено ее острыми противоречиями с Францией по поводу контроля над Тунисом, над которым Франция, вопреки позиции Италии, имевшей там значительные экономические интересы, установила свой протекторат. Кроме того, Италия страдала от таможенных барьеров, установленных Францией для итальянских товаров.

Карикатура на Тройственный союз 1882 г. между Германией, Австро-Венгрией и Италией

27 декабря 1899 года между немецким концерном Сименса и турецким правительством была заключена концессия на постройку Багдадской железной дороги. Прямая железная дорога к Константинополю и Багдаду вместе с ответвлениями фактически делала немцев хозяевами всех азиатских владений Турции. Это был первый шаг на пути будущего присоединения Османской империи к Тройственному союзу.

В то же время Италия все более отдалялась от Тройственного союза, главным образом из-за территориальных претензий к Австро-Венгрии, у которой итальянцы собирались отобрать территории с более или менее значительным итальянским населением – Триест, Триент, Тироль, Истрию и Далмацию. В 1902 году Италия заключила с Францией соглашение, обязавшись соблюдать нейтралитет в случае нападения Германии на Францию. А в 1911 году Италия напала на Турцию, к тому времени активно поддерживавшуюся Германией, и в результате войны 1911–1912 годов отняла у Османской империи Киренаику, Триполитанию и Додеканес.

К началу войны Тройственный союз фактически состоял из Германии и Австро-Венгрии, так как Италия, несмотря на союзный договор, не собиралась воевать на стороне Австро-Венгрии, хотя бы потому, что на стороне Франции наверняка должна была выступить Англия. В 1914 году после начала войны к Тройственному союзу присоединилась Османская империя, а в 1915 году – Болгария, после чего Тройственный союз превратился в Четверной союз.

Тайны целей и причин Первой мировой войны

Первая мировая война велась двумя блоками держав за преобладание в Европе и мире. Наиболее острыми в то время были англо-германские торговые противоречия. Основными предметами экспорта Германии были инструменты, машины, электротехнические изделия, химические и фармацевтические продукты, изделия легкой промышленности. Германские товары теснили английские товары по всему миру, причем даже в британских доминионах и колониях.

Успеху немецкой внешней торговли способствовала введенная в Германии с 70-х годов XIX века система протекционизма – повышенных таможенных пошлин на ввозимые в страну товары. В 1900 году германские вложения за границей составляли 15 млрд марок, а в 1914-м они достигли уже 35 млрд марок и составляли около половины от суммы английских. Германский военно-морской закон 1898 года предусматривал, что к 1904 году германский флот должен был иметь 17 линейных кораблей, 9 броненосных и 26 лёгких крейсеров и значительное количество мелких судов. Для выполнения намеченной программы предстояло за семь лет построить 7 броненосцев, 2 тяжёлых и 7 лёгких крейсеров. Это чрезвычайно обеспокоило британское адмиралтейство, и оно приняло вызов, решив закладывать два линкора против одного, заложенного на германских верфях. Но в последние годы перед Первой мировой войной англичане уже не могли следовать этому принципу.

Англия стремилась в будущей войне уничтожить германский флот и ограничить возможности германской промышленности, а также отнять у Германии ее колонии. В случае весьма вероятного вступления в войну на стороне Германии Османской империи Англия рассчитывала поучаствовать в ее разделе, закрепив за собой Египет и рассчитывая получить Египет и Ирак. Относительно Австро-Венгрии в Лондоне не было определенного мнения, стоит ли сохранить эту империю или надо ее расчленить. Насчет же необходимости расчленения Османской империи никаких сомнений не существовало.

Германия рассчитывала в результате войны значительно ослабить британский флот, утвердить за собой право на равенство с Англией в военно-морских вооружениях, отнять у Англии часть колоний и обеспечить свободный доступ своих товаров и капиталов в колониальные владения других держав. Германия также рассчитывала отнять у России русскую Польшу, хотя определенных представлений о будущем устройстве польских земель в Берлине не было. Не исключались также аннексия пограничных территорий Франции и Люксембурга.

Французы, вдохновленные десятилетиями пропаганды, дрались, чтобы отомстить за поражение во Франко-прусской войне и вернуть Эльзас-Лотарингию. В случае победы французы также рассчитывали контролировать левый берег Рейна и не исключали расчленения Германии. Они рассчитывали поживиться германскими колониями, а в случае расчленения Османской империи претендовали на Сирию, Ливан и Киликию.

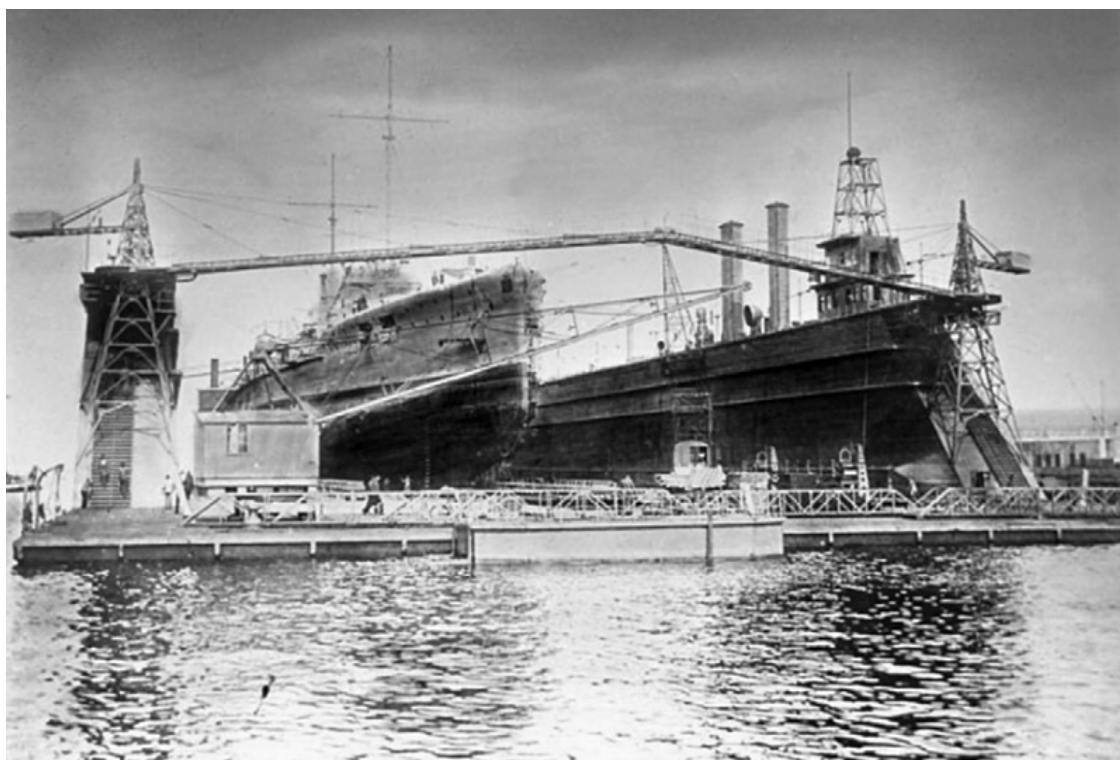
Первая мировая война стала последней войной имперской России. Она вступила в войну в составе Антанты, имея своими союзниками Англию, Францию, Сербию, Черногорию и Японию, к которым в 1915–1917 годах присоединились Италия, Румыния, Португалия, Бразилия, Греция и США. Им противостояли Центральные державы: Германия, Австро-Венгрия, к которым в 1914–1915 годах присоединились Турция и Болгария. Император и правительство рассчитывали поднять престиж русской армии и флота, основательно подорванный поражением в Русско-японской войне, укрепить свои позиции в Европе и на Ближнем Востоке, аннексировав германскую и австрийскую части Польши, Восточную Галицию, Закарпатье и Буковину, Черноморские проливы с Константинополем и черноморским побережьем Турции, а также турецкую Армению. Победоносной войной надеялись предот-

вратить повторение революции. В то же время, в Петербурге стремились расчленив Оттоманскую империю, но там не было определенного мнения, следует ли сохранять Австро-Венгрию. Расчет был лишь на то, что Сербия и Черногория получат территориальные приращения и помогут России, контролирующей Константинополь, обеспечить гегемонию на Балканах.

Австро-Венгрия главной целью в войне ставила разгром Сербии и Черногории и установление там лояльных себе правительств, не допускающих антиавстрийской и антивенгерской агитации и призывов к расчленению Австро-Венгрии. Не исключались возможность включения в состав Дунайской монархии русской Польши (а возможно – также и германской Польши) и формирование из польских земель Польского королевства, что превращало Австро-Венгрию в триединую Австро-Венгрию-Польшу.

Италия, допускавшая свое участие в войне только на стороне Антанты, рассчитывала отторгнуть от Австрии Триест, Тироль, Триент, Истрию и Далмацию, а при разделе Турции претендовала на Смирну.

Япония надеялась захватить все германские колонии на Тихом океане и обеспечить свою гегемонию в Китае.

Строительство военных кораблей на германских верфях

То, что инициатором Первой мировой войны была Германия, за пределами германских границ не сомневались и не сомневаются до сих пор подавляющее большинство историков и политиков. Бывший госсекретарь США Генри Киссинджер, например, полагал: «Имперская Германия спровоцировала войну, потому что, наращивая свои военно-морские силы в 10-летний период перед 1914 годом, она бросала вызов морскому господству Великобритании, а ее дипломатической стратегией являлось унижение Франции и России, чтобы продемонстрировать им, что они слишком слабы, чтобы объединиться против Германии. В резуль-

тате немцы вынудили эти страны к союзу, к которому впоследствии присоединилась Великобритания». Советский историк Е. В. Тарле признавал ответственность обеих коалиций за возникновение войны: «С точки зрения научного исследования, самый спор о „моральной вине“ нелеп, не нужен, научно неинтересен... Обе комбинации враждебных держав были способны провоцировать вооруженное столкновение; обе стремились к завоеваниям; обе способны были в тот момент, который показался бы выгодным, зажечь пожар, придравшись к любому предлогу, который показался бы наиболее подходящим. В этом смысле, конечно, вожди Антанты несколько не превосходили в „моральном“ отношении вождей Австрии и Германии». Однако он подчеркивал, что в конкретных исторических условиях лета 1914 года инициатором войны выступила именно Германия, поскольку политической элите Германии и Австро-Венгрии «показалось совсем верным и выгодным делом раздавить Сербию; если же Россия и Франция вмешаются в дело, то и для войны с ними лучшего времени может не найтись; не следует к этому открыто стремиться, но нечего этого и бояться: Англия, самый могучий из противников, не захочет и не сможет в данный момент воевать». Однако в действительности в тот момент в Берлине было мало сомнений, что Англия будет воевать. Однако военное и политическое руководство Германии, учитывая, что германская армия была сильнее как французской, так и русской армии, рассчитывала как минимум успеть разбить Францию до того, как английское участие могло серьезно сказаться на балансе сил, а потом принудить к миру и Россию. По большому счету, Первая мировая война была следствием многополярности существовавшего в 1914 году мира, где существовало несколько равновеликих центров военной и экономической мощи и уравнивающих друг друга, но лишь в состоянии неустойчивого равновесия, две военно-политические коалиции – Тройственный союз и Антанта. Основными полюсами были Англия, Германия, Франция и США, а второстепенными – Россия, Австро-Венгрия, Италия и Япония. Противоречия между различными полюсами и блоками невозможно было разрешить мирным путем, поскольку любое существенное нарушение баланса сил путем достижения соглашений между различными государствами сразу же приводило всю систему международных отношений в неравновесное состояние. Прав был американский президент Вудро Вильсон, когда уже после окончания Первой мировой войны утверждал: «Все ищут и не находят причину, по которой началась война. Их поиски тщетны, причину эту они не найдут. Война началась не по какой-то одной причине, война началась по всем причинам сразу».

Тайна сараевского убийства

Поводом к войне послужило убийство в Сараеве 28 июня 1914 года сербским террористом Гаврило Принципом, гимназистом и членом тайной организации «Млада Босна», наследника австрийского и венгерского престолов эрцгерцога Фердинанда. Сербия неявно поддержала убийц – группа высокопоставленных чиновников и офицеров знала о заговоре, предоставила оружие и проход через границу, в то же время сербский посол в Вене Иован Иованович неофициально намекнул, что эрцгерцогу может грозить опасность во время маневров. Принцип входил в группу из 6 террористов, возглавляемую Данилой Иличем. К заговору была причастна тайная организация сербских офицеров «Чёрная рука», полковник Драгутин Дмитриевич по кличке «Апис» был начальником сербской контрразведки. Фактически «Млада Босна» была отделением «Черной руки» в Боснии. Обе организации стремились объединить южных славян в составе Сербии.

28 июня 1914 года эрцгерцог Франц Фердинанд приехал в Сараево по приглашению австро-венгерского наместника генерала Оскара Потioreка. Незадолго до 10 утра в воскресенье Франц Фердинанд с женой, графиней Софией Хотек, прибыли в Сараево на поезде. В 10.10 кортеж из шести машин (супруги Фердинанд ехали во второй, вместе с Потioreком), приветствуемый толпами народа, миновал центральное отделение полиции. Там их ждали заговорщики. Неделько Чабринович бросил гранату, но промахнулся. Вместо Франца Фердинанда граната убила шофёра третьей машины и ранила её пассажиров, а также полицейского и прохожих из толпы. Чабринович проглотил заранее полученный им яд (цианистый калий), но яд не подействовал. Возможно, вместо цианистого калия ему дали какой-то более слабый яд. Он попытался прыгнуть в реку, но был схвачен толпой, жестоко избит и передан в руки правосудия. Другие заговорщики не смогли ничего сделать из-за заслонившей машину толпы народа. Покушение как будто провалилось. Франц Фердинанд поехал читать речь в городскую ратушу. После чтения речи один из придворных его свиты, барон Морсе (Morsey), предложил ему уехать. В ответ Потioreк сказал: «Вы думаете, что Сараево кишит убийцами?» Франц Фердинанд решил поехать в больницу навестить раненых при покушении. Софи настояла на том, чтобы ехать с ним. Ехать решили по боковой набережной Аппель (Appel). Потioreк забыл сообщить шофёру Францу Урбану об изменении маршрута.

Шофёр повернул на улицу Франца Иосифа. Ему объяснили, что он едет неправильно. Он начал медленно разворачивать машину. В этот момент машину заметил Гаврило Принцип, который случайным образом там оказался. Принцип подбежал к машине и выстрелил из браунинга Софии в живот, а затем Францу Фердинанду в шею. (Впоследствии он утверждал, что первой пулей собирался убить Потioreка, а не Софию.) Как и Чабринович, он попытался отравиться, но попытка оказалась безуспешной. Затем он попытался застрелиться, но набежавшие люди отобрали у него пистолет. Как и Чабриновича, его избили – так жестоко, что в тюрьме ему пришлось ампутировать руку.

Покушение на эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве 28 июня 1914 г.

Франц Фердинанд и его жена были перевезены в резиденцию губернатора, однако по пути умерли, сначала София, затем эрцгерцог – с перерывом в несколько минут. По словам шофёра, последними словами Франца были: «Софэрль, не умирай, останься ради наших детей». После того как стало известно об убийстве, в Сараеве прошёл антисербский погром.

Все шестеро террористов были арестованы. Один из них признался, что оружие было предоставлено сербским правительством. Принципа не могли приговорить к смертной казни, поскольку ему было только 19 лет и по австро-венгерским законам он был несовершеннолетним. Он был приговорён к максимальному сроку – 20 годам тюремного заключения. Он содержался в тюрьме в Терезиенштадте в тяжёлых условиях и умер от туберкулёза 28 апреля 1918 года. В тюрьме умер и Чабринович. Доктор-психиатр М. Паппенгейм, наблюдавший Принципа, записал в дневнике 5 декабря 1914 года:

«Все время в одиночном заключении. Три дня тому назад сняли цепи. Ночью спит обычно четыре часа. Много грезит о жизни, о любви, не волнуясь. Думает обо всем, особенно о положении его страны. Кое-что слышал о войне. Слышал трагическую весть, что Сербия не существует. Моему народу приходится тяжело. Мировая война не замедлила бы прийти и без этого [то есть без убийства Франца Фердинанда]. Был идеалистом, желавшим отомстить за народ. Мотивы – месть и любовь. Вся молодежь была в таком революционном настроении. Брошюры анархистов призывали к убийству. Теперь смотрит иначе; думает, что социальная революция возможна во всей Европе, так как вещи меняются... С ним обращаются неплохо. Все относятся корректно. Но месяц назад совершил попытку

самоубийства. Хотел повеситься на полотенце. Глупо надеяться. Рана на груди и на руке. Жизнь, подобная той, которую он ведет, невозможна. В тот день в 12 часов дня он не мог есть, был в плохом настроении. Внезапно пришла в голову мысль повеситься. Если бы он имел возможность, то выполнил бы. Думает о родителях и о других, но от них нет известий. Тоска. Во время покушения был ранен в голову, в спину и по всему телу. Принял цианистый калий, но был слаб, и его вырвало».

Тайна, в которой война рождалась. Июльский кризис 1914 года

В 2008 году британский историк Гэри Шеффилд так оценил ситуацию, приведшую к началу Первой мировой войны:

«В лучшем случае Германия и Австро-Венгрия начали безрассудную игру, которая пошла у них совершенно не так, как им хотелось. В худшем случае в 1914 году началась заранее продуманная агрессивная и завоевательная война, оказавшаяся далеко не таким быстрым и решительным предприятием, которое некоторые себе представляли».

В конце января 1914 года Россия заключила формальный союз с Сербией. Во время визита в Петербург сербского премьера Николы Пашича и наследника сербского престола принца Александра император Николай II обещал оказать Сербии «всемерную военную помощь» и даже любую «поддержку, которая ей понадобится». Гости, в свою очередь, взяли на себя обязательство координировать свои военные планы с русским генштабом. Такое согласование было проведено в марте-мае 1914 года, причем речь шла о предстоящих операциях против Австро-Венгрии. Такое же согласование будущих военных действий имело место и с Черногорией, с которой еще в ноябре 1913 года Россия восстановила военный союз, а весной 1914 года – военную конвенцию, прерванные на время Балканских войн.

Специальный представитель Австро-Венгрии, посланный в Сербию собрать доказательства, бывший прокурор советник Фридрих Вичер, телеграфно доносил в Вену: «Доказать и даже подозревать сербское правительство в том, что оно было осведомлено о покушении, либо участвовало в его осуществлении, подготовке и в предоставлении оружия, невозможно». Однако далее со ссылкой на показания обвиняемых в телеграмме указывалось: решение о покушении было принято в Белграде, что в подготовке его участвовали государственные чиновники, а бомбы были получены в Крагуеваце из арсенала сербской армии. Австрийцам, правда, не удалось точно установить, было ли получено оружие непосредственно перед покушением. Австрийский премьер граф Карл фон Штюргк был убежден, что связь между славянами монархии и славянами зарубежья может быть разорвана только войной. Считалось, что только война положит конец деятельности сербской агентуры в Боснии и Герцеговине. В то же время в Австро-Венгрии не было планов аннексии Сербии и Черногории, за исключением, возможно, некоторых стратегически значимых пограничных территорий. Расчет был скорее на то, что удастся установить там проавстрийские правительства. Но подобный расчет в любом случае был утопическим. Трудно было надеяться, что такие правительства после австрийской оккупации смогут удержаться у власти. В эпоху национальных государств Австро-Венгрия была анахронизмом, но ее правящие круги это не понимали. Одной из целей войны было присоединение к Австрии русской Польши, но без ясного представления, как можно будет интегрировать такое количество поляков в политическую структуру Двуетной монархии, которую любые новые завоевания неизбежно влекли к гибели.

Николай II объявляет войну Германии. 20 июля 1914 г.

Таким же анахронизмом была и Российская империя, но этого не понимали ни сторонники самодержавия, ни их революционные и демократические оппоненты, за исключением деятелей национальных революционных и демократических движений. Неудивительно, что царское правительство не имело ясных целей в войне. Главным считалось воссоединение Польши под скипетром русского царя, захват Константинополя и Проливов, Турецкой Армении и ряда других турецких территорий, а также Восточной Галиции и Угорской Руси (Закарпатья). Однако конкретных планов обустройства новых территорий и их взаимоотношений с имперской метрополией в случае победы Антанты не было. Если бы все эти аннексии были бы осуществлены, они бы привели только к росту в Российской империи национальных движений, с которыми имперское правительство вряд ли бы смогло справиться.

Панацеей от всех бед в Петербурге считали контроль над Константинополем и Проливами. Между тем в довоенной русской публицистике значение Проливов для русского экспорта значительно преувеличивалось. Даже закрытие Проливов во время войн Турции с соседями не препятствовало русскому экспорту через Балканские страны без его существенного удорожания, поскольку подавляющее большинство русских товаров все равно возилось на иностранных судах.

В Петербурге не было даже ясной позиции насчет того, выгоднее ли для России расчленение или сохранение Австро-Венгрии. Руководство же Двуетной монархии войны с Россией очень опасалось, несмотря на поддержку Германии. «По всему видно, – писал 3 августа 1914 г. российский посол в Вене Н. Н. Шебеко, – что здесь войны с нами не хотели и очень ее бояться». А посланник в столице Черногории Цетинье А. А. Гирс в записке, озаглавленной «Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира», составленной после Второй Балканской войны, предложил вообще отказаться от односторонней поддержки аван-

тюрного курса правителей Сербии и, в частности, планов присоединения к ней населенных юго-славянами территорий монархии. Он еще в 1913 году предсказал, что «Великая Сербия» рано или поздно отойдет от России. Гирс, считавший до этого главной задачей балканской политики России борьбу против монархии, анализируя опыт Балканских войн, высказался за коренной поворот курса от конфронтации с Австро-Венгрией к сотрудничеству с ней и призвал к согласованию интересов обеих держав вплоть до раздела сфер влияния на Балканах. Однако трезвый голос Гирса не был услышан. Российский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг считал, что именно Сербия является надежной опорой России на полуострове. Такого же мнения придерживался и А. П. Извольский, посол в Париже и бывший министр иностранных дел. Правда, ни тот ни другой не ставили вопрос о расчленении Австро-Венгрии.

Другие страны Антанты представляли цели войны более четко. Для Англии главным было сокрушение военно-морской, торговой и промышленной мощи Германии, захват ее колоний и ряда территорий Османской империи.

Для Австро-Венгрии война была невыгодна еще и потому, что в начале XX века экономический рост здесь был самым высоким в Европе, и в случае сохранения в течение длительного времени мира она могла рассчитывать вплотную приблизиться по уровню развития к Италии и Франции. А соответствующий рост благосостояния населения, как полагали многие в Вене и Будапеште, мог приглушить остроту межнациональных противоречий внутри империи. В 1900–1913 годах ВВП Дунайской монархии рос в среднем на 1,76% в год, тогда как в Англии – на 1,00%, во Франции – на 1,06% и в Германии на 1,51%. Против войны категорически выступал премьер-министр Венгрии граф Иштван Тиса, который считал, что поражение неминуемо приведет к распаду Австро-Венгрии, а победа лишь увеличит нестабильность Двухединой монархии, особенно в случае новых территориальных приращений, и приведет к ее преобразованию в Триединую, с образованием Чешского королевства, в пользу которого Венгрии придется поступиться Словакией. Он также не сомневался, что воевать придется не только с Сербией, а еще и, как минимум, с Россией, и такая война будет непосильной для Австро-Венгрии. В случае же прихода на помощь Дунайской монархии Германии война неизбежно становилась мировой с выступлением на стороне России Франции и Англии, что не сулило благоприятного исхода для Центральных держав.

Однако на решающем заседании коронного совета под председательством Франца Иосифа 19 июля Тиса снял свои принципиальные возражения и согласился на предъявление ультиматума Сербии. Изменение позиции произошло после обмена мнениями Тисы с кайзером и послом Германии в Вене фон Чиршки, который посвятил венгерского премьера в план «молниеносной войны». Венгерский биограф Тисы Ференц Пелёшкеи считает, что «вера в материальную, военную и духовную мощь Германии была и осталась самым слабым пунктом его внешнеполитической концепции, и со свойственной ему последовательностью он оставался ей верным до конца».

Австро-Венгрия, подталкиваемая Германией, предъявила Сербии ультиматум, требуя не только прекратить антигабсбургскую пропаганду, но и допустить австрийскую полицию на сербскую территорию для расследования покушения. Сербские власти выразили готовность принять все требования, за исключением одного – о допуске иностранной полиции к расследованию. Надо заметить, что это австрийское требование было небеспочвенным. В Вене не без оснований опасались, что сербская полиция постарается скрыть следы связей покушавшегося с организацией «Млада Босна», а также связи этой организации с рядом высокопоставленных сербских военных и политиков. Австро-Венгрия порвала дипломатические отношения с Белградом и 28 июля объявила Сербии войну. Это автоматически привело в действие цепочку союзов. Отец психоанализа Зигмунд Фрейд, далекий от всякого национализма и шовинизма, писал в начале августа 1914 года: «Впервые за 30 лет я чувствую себя австрийцем!»

Россия 29 июля объявила всеобщую мобилизацию. Вечером того же дня всеобщая мобилизация была заменена частичной – только против Австро-Венгрии. 30 июля, под влиянием Генерального штаба и МИДа, император Николай II вновь вернулся к указу о всеобщей мобилизации. Российские военные не сомневались, что война неизбежна и что воевать придется не только против Австро-Венгрии, но и против Германии.

30 июля Николай II дал себя уговорить Сазонову, утверждавшему, что «война давно уже решена в Вене и что в Берлине, откуда можно было ожидать слова вразумления, его произнести не хотят, требуя от нас капитуляции перед Центральными державами, которую Россия никогда не простила бы государю и которая покрыла бы срамом доброе имя русского народа». Передав начальнику Генерального штаба Янушкевичу разрешение на мобилизацию, Сазонов добавил, что «теперь вы можете сломать телефон», т. е. отмены мобилизации не будет. Наиболее быстро отреагировал Балтийский флот, начавший постановку мин против внезапного нападения в 6.50 утра 31 июля, за 12 часов до объявления войны.

29 июля в Германию поступили новости о военных приготовлениях в Бельгии, особенно вокруг Льежа. Германское военное командование утверждало, что дальше начало войны откладывать нельзя, поскольку оборонительные мероприятия бельгийской армии могли существенно замедлить будущее наступление германских войск в Бельгии, жизненно необходимое для осуществления плана Шлиффена. Состояние военной угрозы в Германии было объявлено в 13.45 31 июля. В полночь 31 июля немецкий посол граф Пурталес вручил Сазонову ультиматум, требовавший отмены мобилизации в России и дававший на ответ всего 12 часов. 1 августа в 19 часов, через 6 часов после истечения ультиматума, Пурталес, после троекратного отказа Сазонова дать декларацию о прекращении «враждебных приготовлений» против Австрии и Германии, вручил ноту с объявлением войны.

Итак, Германия потребовала отменить мобилизацию, но Россия не ответила на этот ультиматум. 1 августа началась германская мобилизация, и вечером того же дня Рейх объявил России войну. Тогда же начала всеобщую мобилизацию и Франция. Немцы торопились приступить к осуществлению плана Шлиффена. Поэтому уже вечером 3 августа Германия объявила войну Франции под тем предлогом, что французские самолёты будто бы нарушили нейтралитет Бельгии, а также совершили облёт германских городов и бомбили железную дорогу. 2 августа немцы оккупировали Люксембург, а 4 августа германские войска без объявления войны вторглись в Бельгию под предлогом, что туда готовятся вступить французские дивизии. Английское правительство потребовало от Берлина к исходу 4-го числа дать ответ, готов ли он соблюдать бельгийский нейтралитет. Германский статс-секретарь фон Ягов заявил, что не может дать таких обязательств, поскольку военные соображения выше всех иных. В тот же день Англия объявила Германии войну. 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России, а через несколько дней оказалась в состоянии войны и с другими государствами Антанты. Осенью 1914 года президент США Вудро Вильсон публично заявил, что «распад Дунайской монархии на ее составные части» послужил бы на «благо Европы».

Франция в тот же день мобилизовала все свои сухопутные и морские силы, но войны не объявила. Из Лондона в Берлине была получена депеша от германского посла князя Лихновского, в которой говорилось, что Франция не вмешается в войну Германии с Россией, если Германия первая не нападет на Францию. Но фон Мольтке, начальник германского Генштаба, настоял потребовать от Франции отдачи на все время войны двух важнейших крепостей – Туля и Вердена. Больше того, именно Германия 3 августа объявила войну Франции, надеясь на молниеносное осуществление плана Шлиффена.

Французское правительство, напротив, еще 30 июля приказало осуществить отвод войск на 10 км на всем протяжении границы с Германией – от Швейцарии до Люксембурга, чтобы избежать провокаций и случайных перестрелок. Ни одна часть и ни один солдат под

угрозой военно-полевого суда не должны были заходить за 10-километровую приграничную зону.

3 августа Германия объявила войну Франции и Бельгии. Последней инкриминировался отказ пропустить через свою территорию германские войска. Война против Бельгии позволила Великобритании 4 августа официально объявить войну Германии. И только 6 августа Австро-Венгрия объявляет войну России, а Сербия – Германии.

Интересно, что получив царский указ о мобилизации, министр внутренних дел Н. А. Маклаков заявил начальнику мобилизационного отдела Главного управления Генштаба генералу С. К. Добровольскому: «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярна, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти...» Некоторые наиболее дальновидные военные и политические деятели предчувствовали, что война станет концом Российской империи.

Российский историк В. А. Авдеев так описывает мобилизацию:

«На сборные пункты при управлениях уездных высших начальников стали прибывать запасные, где из них формировались команды для пополнения кадровых частей и формирования второочередных. Не везде призыв проходил гладко. Уже на третий день после объявления мобилизации из округов стали приходить известия о беспорядках, возникших среди запасных. Донесения об этом были получены в Военном министерстве из Перми, Кургана, Донской области, Инсара, Борисова, Орла, Кокчетава. Запасные собирались толпами, громили винные склады, магазины, в отдельных пунктах наблюдались нападения на полицию, во время беспорядков были человеческие жертвы. Сильно затрудняли работу сборных пунктов также и обнаружившиеся излишки запасных, особенно в Казанском и Омском военных округах. Это объяснялось устарелостью и просчетами мобилизационного расписания 1910 года. Мобилизация в европейской части России проходила более организованно и в установленные сроки. Этому способствовали поверочные мобилизации накануне войны. В целом, несмотря на ряд недочетов, мобилизация кадровой армии прошла успешно и в срок. К 26 июля (8 августа), на 8-й день мобилизации, начались оперативные перевозки войск и период стратегического сосредоточения. В это время продолжалось формирование второочередных дивизий, которые вслед за первоочередными должны были двигаться на фронт. Полностью вооруженные силы России завершили мобилизацию на 45-й день. К 3(16) сентября было призвано, не считая ратников ополчения, 3 млн 388 тыс. человек. Всего под знамена встали 4,2 млн человек».

Тайна вступления в войну Англии

Уже 24 июля британское адмиралтейство, учитывая осложнившуюся международную обстановку, послало приказ флоту, собранному для смотра в Портленде, не рассредоточиваться.

Между Россией и Англией, так же как между Англией и Францией, не было общеполитических и военных соглашений, однако еще в сентябре 1912 года во время визита министра иностранных дел Сазонова в Лондон глава Форин Оффис сэр Эдуард Грей заверил его, что Германии не удастся добиться от Англии обязательства соблюдать нейтралитет.

Фельдмаршал граф Герберт Горацио Китченер при назначении его британским военным министром предсказал, что война продлится как минимум 3 года, а то и 7 лет, предупредив: «Такая нация, как Германия, взявшись за это дело, бросит его лишь тогда, когда будет разбита наголову. А это потребует очень много времени. И ни одна живая душа не скажет, сколько именно».

Бельгия отказалась мирно пропустить немецкие войска, объявив 31 июля мобилизацию. Германии пришлось объявить ей войну. А нарушение немцами нейтралитета Бельгии стало хорошим поводом для Британии вступить в войну на стороне Франции и России. Бельгия была хорошим плацдармом для будущей высадки десанта в Англию, чего Англия боялась со времен Наполеона. Как сказал позднее Ллойд Джордж, пока речь шла о Сербии, 99 процентов английского народа были против войны; когда речь зашла о Бельгии, 99 процентов англичан захотели воевать. По Лондонскому договору 1839 года Соединённое Королевство выступало гарантом нейтралитета и независимости Бельгии на случай иностранного вторжения. Еще 31 июля Эдуард Грей телеграфировал в Брюссель, советуя Бельгии защищать свой нейтралитет. Он же 1 августа заявил германскому послу Лихновскому, что не потерпит нарушения бельгийского нейтралитета. 3 августа Грей выступил в палате общин и добился одобрения военных приготовлений. В тот же день немецкие войска перешли границу Бельгии. 4 августа немцы получили британский ультиматум с требованием немедленно очистить Бельгию, ответ требовался до 12 часов ночи. Но Германия, уверенная в скорейшей победе, отказалась пойти на попятную. И 4 августа в 11 часов вечера Англия объявила войну Германии.

Рисунок, иллюстрирующий захват Бельгии германскими войсками. 1914 г.

Антанта получила в распоряжение весь британский торговый флот, дающий возможность пользоваться ресурсами всего мира, а Германия – блокаду со стороны британского флота, отрезавшую ее от мировых продовольствия и сырья.

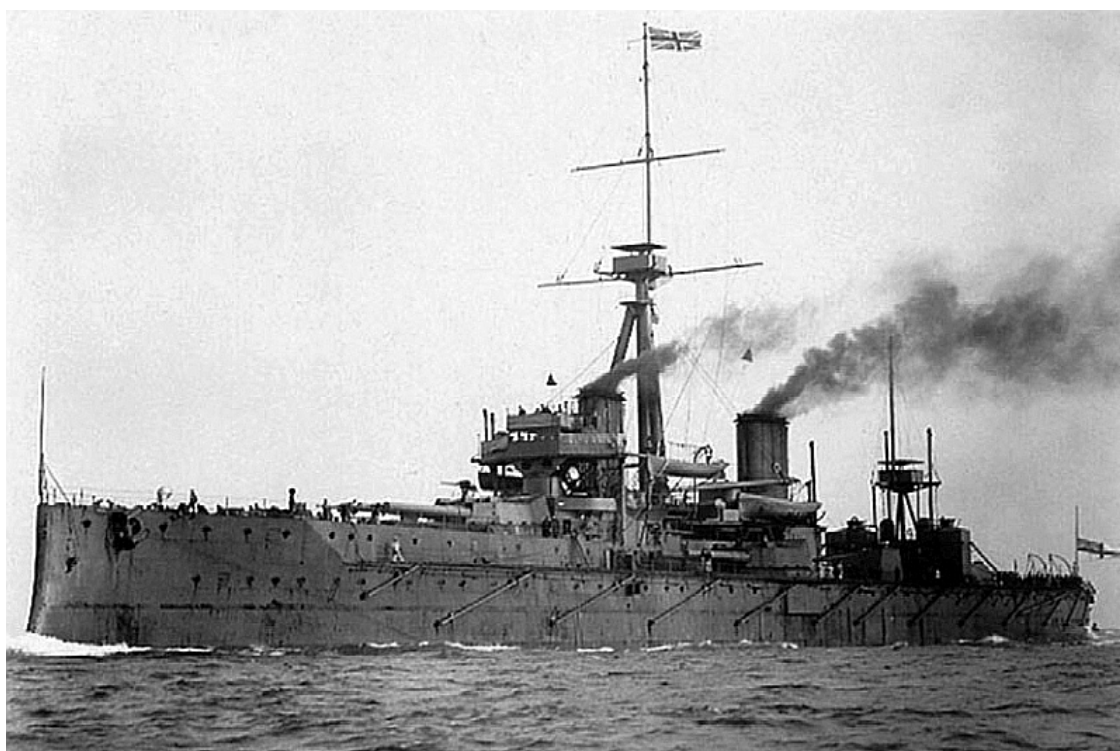
При длительной войне, обладая почти четвертью суши с более чем 400 млн подданных, англичане могли создать громадную армию с неограниченными в теории возможностями вооружения и снабжения.

Генерал фон Кюль позднее вспоминал: «В годы, непосредственно предшествовавшие войне, у нас не было никаких сомнений в отношении незамедлительной высадки Британского экспедиционного корпуса на континенте». Мольтке полагал, что в случае войны между Германией и Францией Англия вмешается даже независимо от того, нарушит или нет германская армия нейтралитет Бельгии, «так как англичане боятся гегемонии Германии и, придерживаясь принципов поддержания равновесия сил, сделают все, чтобы не допустить усиления Германии как державы». Руководство германского флота также полагало, что Англия займет враждебную позицию в случае войны. Французы, со своей стороны, не сомневались, что получают британскую помощь, и не связывали вступления Англии в войну с обязательным нарушением немцами нейтралитета Бельгии.

Тайна «Дредноута»

В начале XX века в военном кораблестроении произошла революция. Появились новые линкоры, и в результате прежние броненосцы сразу оказались устаревшими. Это несколько облегчило Германии гонку военно-морских вооружений с Англией, но догнать англичан до начала Первой мировой войны по боевой мощи флота немцы все же не успели. Наоборот, разрыв даже увеличился.

Британский линкор «Дредноут» («Неустрасимый») стал первым кораблём, при постройке которого был реализован так называемый принцип «all-big-gun» («только большие пушки»). Каждый «Дредноут» стоил примерно вдвое больше, чем эскадренный броненосец предшествовавшего ему типа. Корабль был заложен в Портсмуте в октябре 1905 года и введен в эксплуатацию в октябре 1906 года. Его нормальное водоизмещение было 18 тыс. т, а полное – почти 22 тыс. т. Максимальная толщина брони – 280 мм. 4 турбины Парсонса и 18 паровых котлов «Бабкок и Вилкокс» обеспечивали максимальную скорость хода в 21,6 узла. «Дредноут» имел 10 12-дюймовых (305-мм/45) орудий «Маркс Х», только что разработанных фирмой «Виккерс». Дальность стрельбы составляла около 14 км. Боевой опыт Русско-японской войны, в которой японцы широко применяли концентрацию на одной цели огня не только всех орудий одного корабля, но и всех кораблей одного отряда, дал окончательный ответ – необходимо массирование огня орудий крупных калибров. Этот принцип проявился в Первой мировой войне – последней войне, в которой линкоры еще играли существенную роль. По мощи огневого залпа один дредноут был равен целой эскадре броненосцев времён Русско-японской войны. К 1914 году собственно дредноуты успели устареть, и им на смену пришли сверхдредноуты – линейные корабли типа «Орион», которых в Англии успели поставить четыре штуки. Их полное водоизмещение возросло до 26 тыс. тонн, а максимальное бронирование до 305 мм. Вооружение же составляло 10 343-мм/45 орудий. Вес бортового залпа главного калибра «Ориона» составлял 5670 кг, против 3084 кг «Дредноута».

Британский линкор «Дредноут»

В 1913 году появилось 5 супердредноутов типа «Куин Элизабет», а два года спустя – 5 типа «Ривендж», оба с 8 381-мм орудиями. Кроме того, в 1913 году был построен супердредноут «Канада», первоначально предназначавшийся для Чили, с 10 356 мм орудиями. Немцы в 1915 и 1917 годах построили супердредноуты «Байерн» и «Баден», имевшие по 8 380-мм орудий. Всего Англия имела 35 дредноутов и супердредноутов, а Германия – 19. Из этого числа в годы войны затонули только два британских судна – дредноут «Вэнгард» по неизвестной причине погиб от взрыва боезапаса 9 июля 1917 года стоя на якоре в Скапа-Флоу, а супердредноут «Одейшес» с 10 343-мм орудиями затонул 27 октября 1914 года, подорвавшись на mine. Британское Адмиралтейство решило сохранить гибель «Одейшес» в тайне. До окончания Первой мировой войны «Одейшес» упоминался в сообщениях для прессы как действующий боевой корабль. Официальное извещение о гибели «Одейшес» (с указанием фактической даты происшествия) было опубликовано в газете «Таймс» только 14 ноября 1918 года. Извещение сопровождалось выражением благодарности британской прессе, сохранившей тайну.

Немцы, чувствуя свою слабость, не рисковали принять сражения с линкорами британского Флота открытого моря, а англичане также не стремились к сражению, ограничиваясь блокадой германского побережья. Поэтому дредноуты и супердредноуты в сражениях почти не участвовали, а после Первой мировой войны почти все были отправлены на слом.

Тайна самолета «Илья Муромец»

Наиболее известный русский самолет Первой мировой войны «Илья Муромец» был разработан конструктором Игорем Сикорским. Он имел несколько предшественников.

В марте 1913 года в петербургском отделении «Русско-балтийского Вагонного Завода» (РБВЗ) был построен тяжелый воздушный корабль «Гранд», позднее переименованный в «Русского витязя». Первоначально «Русский витязь» имел два мотора «Аргус» мощностью в 80 л. с., вес корабля доходил до 3 т, размах крыльев – 31 м, длина самолета – 17 м. В дальнейшем на самолете были установлены еще два двигателя, сначала tandemно, а затем, в июле 1914 года, – в ряд вдоль передней кромки нижнего крыла.

Дальнейшим развитием конструкции «Русского витязя» и стал «Илья Муромец». Прежняя конструкция оказалась практически полностью переработана, без существенных изменений была оставлена лишь общая схема самолета и его коробка крыльев с установленными в ряд на нижнем крыле четырьмя двигателями, фюзеляж же был принципиально новым. В результате с теми же четырьмя моторами производства «Аргус» в 100 л. с. новый самолёт обладал вдвое большей массой нагрузки и максимальной высотой полёта. Когда в 1915 году на заводе «Руссо-Балт» в Петрограде инженером Киреевым был сконструирован авиадвигатель Р-БВЗ, он также стал устанавливаться на некоторые модификации «Муромцев». «Илья Муромец» впервые в истории авиации был оснащён отдельным от кабины комфортабельным салоном, спальными комнатами и даже ванной с туалетом. На «Муромце» имелось отопление (выхлопными газами двигателей) и электрическое освещение. По бортам располагались выходы на консоли нижнего крыла.

Первая машина была построена в октябре 1913 года. 12 декабря 1913 года на ней был установлен рекорд грузоподъемности в 1100 кг. А 12 февраля 1914 года в воздух было поднято 16 человек и собака, общим весом 1290 кг, причем пилотировал самолёт сам Сикорский.

Весной 1914 года первого «Илью Муромца» переоборудовали в гидроплан с более мощными двигателями. В этой модификации он был принят морским ведомством и оставался крупнейшим гидропланом до 1917 года.

Самолет «Илья Муромец». 1917 г.

Второй самолёт (ИМ-Б Киевский), меньший по размеру и с более мощными двигателями, 4 июня поднял на рекордную высоту в 2000 метров 10 пассажиров, 5 июня поставил рекорд продолжительности полёта (6 ч 33 мин 10 сек), 16–17 июня совершил перелёт Петербург-Киев с одной посадкой. В честь этого события серия получила название киевской. Всего однотипных с 1-м и 2-м киевскими самолетами было построено 7 машин. Они назывались «Серия Б».

К началу войны (1 августа 1914) было построено уже 4 «Ильи Муромца». К сентябрю 1914 года они были переданы в Императорский военно-воздушный флот. 1-й «Муромец» под командованием штабс-капитана Руднева вылетел на фронт 31 августа (13 сентября) 1914 года, но из-за аварии достиг Белостока только 23 сентября и принял участие в разведке осажденного австрийского Перемышля лишь в ноябре. Устаревшая артиллерия Перемышля не была приспособлена для зенитной стрельбы, и летчики на «Фарманах» отваживались летать над крепостью на высоте 500–600 м, благополучно возвращаясь на базу. Руднев же не рисковал приближаться к крепости и производил наблюдения издали с высоты 1000 м. Второй корабль поручика Панкратьева 24 сентября при вылете на фронт потерпел аварию в Режице, причем потребовалась замена шасси и моторов.

10 (23) декабря 1914 года было утверждено императором постановление военного совета о создании эскадры бомбардировщиков «Илья Муромец» (Эскадра воздушных кораблей, ЭВК), ставшей первым в мире соединением бомбардировщиков. Однако она долгое время оставалась на бумаге, поскольку не хватало летчиков, умеющих летать на «Муромцах».

14 февраля 1915 года «Илья Муромец Киевский» под командой штабс-капитана Горшкова вылетел на разведку переправ на реке Висла у Плоцка, но из-за сильной облачности вернулся, не обнаружив целей. На следующий день корабль впервые произвел бомбометание, и две пудовые бомбы были сброшены на батареи, а три – на обоз. 21 февраля 1915 года он вылетел с 5 двухпудовыми фугасными бомбами и одной пристрелочной на станцию Вилленберг, но бомбы не сбрасывал. Утром следующего дня Горшков, смущенный неполным выполнением задания, в тайне от всех вылетел по уже знакомому маршруту, в первом заходе произвел пристрелку, а во втором сбросил пять бомб. Затем он сфотографировал станцию и благополучно вернулся. 24 и 25 февраля на ту же станцию было сброшено свыше 30 пудов (480 кг) бомб. За три полета, по донесению из штаба армии, «разрушено станционное здание и пакгауз, шесть товарных вагонов и вагон коменданта, причем комендант убит, в городе разрушено несколько домов, убито два офицера и 17 нижних чинов, семь лошадей. В городе паника. Жители в ясную погоду прячутся в погребах».

Во время войны начато производство самолётов серии В, наиболее массовой и насчитывавшей 30 машин. Они отличались от серии Б меньшими размерами и большей скоростью. В 1915 году начался выпуск серии Г с экипажем 7 человек.

Вооружение «Муромцев» состояло из винтовок, карабинов и ручных пулеметов «Мадсен», последние часто отказывали, также использовались «максимы». В начале 1915 года эскадра получила пулеметы «Льюис» с обоймами на 40 патронов, по 3–4 пулемета на корабль. В следующем году были получены пулеметы «Виккерс» и «Кольт». «Муромцы» использовали фугасные, осколочные и зажигательные бомбы калибром от 2,5 до 410 кг, а также стальные метательные стрелы. Последние были не слишком эффективны, поскольку вероятность попасть такой стрелой в человека или лошадь была крайне мала.

В то же время эффективность «Муромцев» относительно их стоимости была сравнительно невелика. Цена «Муромцев» составляла 150 000 рублей за одну машину при цене одномоторного аэроплана Сикорского в 7–14 000 рублей. При этом бомбовая нагрузка «Муромца» лишь ненамного превосходила бомбовую нагрузку одномоторных самолетов. Преимущество же их в дальности полета большой роли не играло, так как русская авиация использовалась только для поддержки сухопутных войск.

Первые «Муромцы» брали в боевой вылет до 10–20 пудов бомб (160–320 кг), 22 июля 1915 г. с «Муромца» штабс-капитана Панкратьева была сброшена опытная 25-пудовая (400 кг) бомба без взрывчатки. В феврале 1916 года «Муромцы» сбрасывали уже по 25–30 пудов (400–480 кг) бомб.

За годы войны в войска поступило 60 машин. Эскадра совершила 400 боевых вылетов, сбросила 65 тонн бомб и уничтожила 12 вражеских истребителей. Только за 1915 год корабли выполнили до ста вылетов, сбросив около 20 т бомб.

Первый «Муромец» был потерян в бою 5 июля 1915 года, когда машину поручика Башко последовательно атаковали три истребителя «Альбатрос». Самолет совершил вынужденную посадку, с него сняли моторы и отправили на склад. 2 ноября 1915 года «Муромец» штабс-капитана Озерского возвращался после бомбардировки станции Барановичи, во время которой подвергся сильному зенитному обстрелу. У самолета были перебиты тросы, ведущие к элеронам, и он врезался в землю у Прилук. Почти весь экипаж погиб.

19 марта 1916 года «Муромец» с 450 кг бомб был атакован двумя «фоккерами», получил более 40 попаданий, но смог отбиться. 2 члена экипажа были ранены, а 1 умер в госпитале от потери крови.

13 апреля 1916 года при бомбардировке станции Даудзевас был серьезно поврежден и списан «Муромец» поручика Констенчика, а сам пилот ранен. В апреле 1916 года 7 немецких аэропланов также разбомбили аэродром в Зегевольде, в результате чего получили повреждения 4 «Муромца».

12 (25) сентября 1916 года во время налёта на штаб в д. Антоново и станцию Борунь истребителями был сбит самолет поручика Д. Д. Макшеева. В этот день был запланирован вылет 3-го отряда «Муромцев» (4 самолета), 12 «Буазенов» и двух отрядов истребителей «Моран-Парасоль». Но взаимодействия организовано не было. Один «Муромец» стартовать не смог из-за возгорания моторов, а другой вернулся, не перелетев позиций противника, в связи с «отсутствием опытного помощника у командира». Поэтому немцы смогли сбить «Муромец» поручика Макшеева, повернувшего обратно из-за неполадки с мотором, и «Буазен». Лейтенант Вольф из немецкого полевого авиаотряда утверждал, что именно он сбил «Муромец». Сначала огонь был открыт с дистанции 150 м, был поврежден один из правых моторов. Ответный огонь «Муромца» также попал в цель, но истребитель, маневрируя, подошел до 50 м, наблюдатель лейтенант Лозе вел огонь по кабине. Вскоре «Муромец» начало заваливать, и он перешел в крутую спираль, затем в штопор. Вместе с ним погиб один «Моран».

Но самой распространенной причиной потерь были технические неполадки и различные несчастные случаи – из-за этого было потеряно около 20 машин. После Октябрьской революции боевое использование «Муромцев» прекратилось вплоть до окончания войны.

Высокая аварийность «Муромцев» была связана, в частности, с тем, что немецкие двигатели «Аргус», под которые проектировался «Муромец», с началом войны были недоступны, а французский «Сальмсон» и британский «Санбим» отличались большим лобовым сопротивлением и ненадежностью, запасные части отсутствовали, механики и мотористы были недостаточно подготовлены. Сами самолеты изнашивались, и росли потери по эксплуатационным причинам. Поэтому в январе – феврале 1916 года из всей эскадры из 10 самолетов боеспособным был лишь один, в октябре было совершено всего два вылета одним самолетом, а в ноябре и декабре последовал лишь один вылет, состоявшийся 22 ноября. В начале 1917 года из 30 «Муромцев» на фронте находилось лишь 4, из которых два за зиму вообще не совершали боевых полетов из-за устаревших или плохо работавших моторов. Не хватало и обученных экипажей.

Всего из 51 самолета, поступившего на фронт, воевало только 40 машин. Если в 1916 году самолеты совершили максимальное число вылетов – 156 и сбросили до 19 т бомб, то за 1917 год было лишь около 70 боевых вылетов, во время которых было сброшено 10,7 т бомб.

А как соотносились «Муромцы» с аналогичными иностранными бомбардировщиками периода Первой мировой войны? Немецкие «Ризены» или «Ризенфлюгцойги» (Riesenflugzeug, «Гигант») разрабатывались лишь с 1914 года и вступили в бой позд-

нее «Муромцев» – 13 января 1916 года. Уже 24 августа экспериментальному образцу удалось сбросить почти 900 кг бомб. Затем самолет пошел в серию. Было построено 18 R. VI, из которых 16 применялись на фронте, поднимая до двух тонн бомб за вылет, нормальная же бомбовая нагрузка составляла 1300 кг. 29 июня 1917 года R. IV в четырехчасовом полете сбросил 1,5 т бомб. С конца сентября 1917 года «Гиганты» атаковали Англию. Только один R.39 в 20 боевых вылетах сбросил на Англию 26 т бомб, в том числе три 1000-килограммовые бомбы. Первая тонная бомба была сброшена на Челси ночью 16–17 февраля 1918 года. Еще ранее, 28–29 января, 300-килограммовая бомба убила 38 и ранила 85 человек. Немцы построили и три самолета серии R. XIV, при дальности полета в 1300 км поднимавшие тонну бомб. «Гиганты» бомбили Париж, Дюнкерк, Булонь, Кале и другие французские города. 1 R. VI и 1 R. XIV были сбиты истребителями, а 1 R. VI был сбит зенитным огнем. Еще 1 R. VI разбился после боя по невыясненной причине. 13 «Гигантов» разбились по небоевым причинам в результате аварий.

В Германии массовыми стали двухмоторные бомбардировщики различных фирм – «Готы», AEG, «Фридрихсхафены» и небольшое число «Румплеров». «Гот» модификации G. IV было выпущено 230 машин, и G. V – около 200 машин. Имея лишь два мотора, в 1916 году они догнали «Муромцев» образца 1915 года по практической дальности и бомбовой нагрузке. Не уступая лучшим «Муромцам» 1916–1917 годов с моторами «Бердмор» по скорости-135 км/час, «Готы» превзошли их в грузоподъемности – до 500 кг бомб, поскольку с увеличением числа пулеметов на «Муромцах» их грузоподъемность уменьшилась. «Фридрихсхафены» поднимали до 1–1,5 т бомб и имели максимальную скорость в 135 км/ч.

25 мая 1917 года 23 «Гота» бомбили Лондон днем, но двум пришлось вернуться из-за механических проблем. Погодные условия не позволили бомбить Лондон, поэтому бомбардировщики атаковали запасные цели на побережье. Атаки истребителей ПВО закончились безрезультатно. Девять «Сопвичей» из фронтовых эскадрилий перехватили возвращавшиеся бомбардировщики у бельгийского побережья и сбили один из них. Любопытно, что после уменьшения атак цеппелинов в 1916 году ПВО Лондона решено было сократить и разрешить открывать огонь только батареям охраны побережья. Вторая атака 5 июня пришлась на графство Кент, но третья, 13 июня, достигла Лондона. Погибло 162 человека, еще 432 было ранено. Ни один самолет из 14 не был сбит, несмотря на 92 истребителя в воздухе. Англичане приняли решение увеличить количество эскадрилий со 108 до 200. При бомбардировке 7 июля 22 самолетами погибло 54 человека и ранено 194 (по более поздним подсчетам – 65 и 245, соответственно), многие – от осколков зенитных снарядов, от ПВО потеряна всего одна «Гота». С мая по август 1917 года «Готы» совершили восемь рейдов на Англию, включая три на Лондон. С сентября усиление ПВО заставило немцев перейти на ночные действия, что увеличило потери самолетов при приземлении.

В 1913 году «Муромцы» были передовым образцом авиатехники, из-за быстрого прогресса авиации в годы войны они успели устареть. А их усовершенствованию, в частности, мешал дефицит в России хороших авиационных моторов, импорт которых во время войны был затруднен. В 1917 году английский одномоторный DH-4 «Хэвиленд» нес более 200 кг бомб со скоростью до 170 км/ч, а «Муромцы» с полным набором пулеметов – 150–200 кг при меньшей скорости и дальности. При этом DH-4 было построено примерно 1500, не считая почти 2000, выпущенных в США и успевших прибыть во Францию еще до конца войны. Французский «Бреге» 14, в значительной мере сделанный из алюминия, нес 3 пулемета и до 300 кг бомб со скоростью до 177 км/ч. С марта 1917 года и до конца войны было выпущено примерно 5500 этих машин.

Серийный (было выпущено более 600 машин) двухмоторный «Хендли Пейдж» воевал с марта 1917 года. Своеобразная ирония судьбы – английские моторы для этих бомбардировщиков, «Санбим» в 320 л. с., носили название «Казак». Италия, не самая сильная авиаци-

онная держава, смогла построить более 750 тяжелых бомбардировщиков «Капрони» разных модификаций («Капрони-4» поднимали до 1,5 т бомб, «Капрони-5» – полтонны), Россия же произвела всего лишь около 80 «Муромцев».

Комиссия по вопросу о прочности аэропланов «Илья Муромец», созданная после Февральской революции, пришла к следующим неутешительным выводам:

- «1) С точки зрения прочности в полете аппараты опасны.
- 2) Дальнейших заказов аппаратов этого типа производить не следует.
- 3) В случае необходимости в больших аппаратах лучше выработать новый тип, чем заниматься улучшениями „И. М.“.
- 4) Эти соображения в смысле прочности относятся также к аппаратам с четырьмя моторами Русско-Балтийского завода, так как усилия в нем мало отличаются от усилий в рассчитанном аппарате».

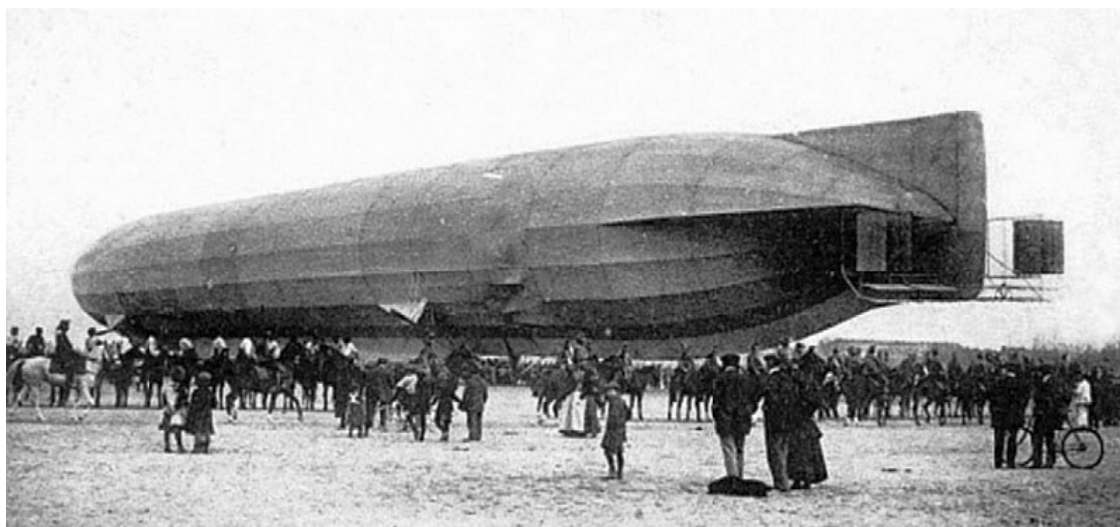
Тайна цеппелинов

Первый дирижабль Цеппелина взлетел еще 2 июля 1900 года и продержался в воздухе 18 минут, прежде чем отказал один из двигателей.

В январе 1914 года Германия по общему объему (244 000 куб. м) и по боевым качествам своих дирижаблей обладала самым мощным воздухоплавательным флотом в мире. К ведению боевых операций на суше были готовы шесть жестких дирижаблей фирмы «Цеппелин»: Z-IV (эллинг в Кёнигсберге), Z-V (Познань), Z-VI (Кёльн), Z-VII (Баден), Z-VIII (Трир), Z-IX (Дюссельдорф); два мобилизованных гражданских транспортных цеппелина «Саксония» (Франкфурт-на-Майне), «Ганза» (Йоганнистале); один дирижабль SL-2 (Лигнице) и три нежестких «Парсевалья» (PL-2, PL-3, PL-4). Вдоль западной границы была построена система воздухоплавательных баз и аэродромов. Кроме них имелся ряд военных и [93] частных эллингов для дирижаблей жесткого типа в Меце, Дрездене, Алленштейне, Готе, Йоганнистале и Лейпциге.

До войны немцы в основном планировали применять дирижабли для авиаразведки, но быстро оказалось, что над сушей и в дневное время дирижабли слишком уязвимы. Основной функцией тяжёлых дирижаблей стало морское патрулирование, разведка на море в интересах морского флота и дальние ночные бомбардировки. Дирижабли Цеппелина бомбили Лондон, Париж, Варшаву и другие города. Но эффект был в основном моральным. Правда, для нужд ПВО пришлось использовать сотни самолётов и зенитных орудий.

Ночью 19–20 января 1915 года два цеппелина L3 и L4 атаковали Англию. 21 марта 1915 г., LZ-35, LZ-11 и Z-10 выполняют первый бомбардировочный налет на Париж. По данным Жерара Хартмана (Gerard Hartmann), это были LZ-29, LZ-30, LZ-26 и LZ-35, причем LZ-29 был поврежден зенитками. 8 сентября L-13 с 2 т фугасных и зажигательных бомб на борту, включая 300-килограммовую бомбу, атаковал Лондон (первая неудачная попытка была сделана еще 17 марта, успешная – 31 мая). Эта бомбардировка стала самой успешной за всю историю дирижаблей – 109 убитых и раненых, более полумиллиона фунтов стерлингов ущерба. Как докладывал экипаж цеппелина: «Самую большую бомбу мы сбросили с высоты примерно в два с половиной километра. К сожалению, в цель она не попала, но даже с той высоты, на которой находился L-13, можно было разглядеть чудовищный масштаб разрушений, вызванных взрывом 300-килограммового монстра. Целый городской квартал превратился в груду обломков и щебня. Через несколько секунд на этом же месте начал разгораться пожар, охвативший затем всю центральную часть Лондона... Оставшиеся бомбы мы сбросили на железнодорожную станцию. Удар был точным – вверх полетели рельсы, обломки пакгауза и двух больших автобусов, стоявших перед зданием вокзала. Разглядеть эти подробности не составляло никакого труда – по улицам Лондона текли огненные реки пожаров, вызванных нашими зажигалками». В ночь на 1 февраля 1916 года LZ 55 сбросил 6 т бомб на гавань Салоники. Ночью 23 сентября над Англией было сбито два цеппелина, пламя горящих машин было видно со 125 миль.

Один из германских цеппелинов. 1913 г.

Всего дирижабли сбросили на Англию порядка 6000 бомб общим весом более 200 т.

Тем не менее появление в 1915 году зажигательных пуль, позволяющих эффективно поражать наполненные водородом цеппелины, в итоге привело к тому, что с 1917 года, после больших потерь в финальных стратегических налётах на Лондон, дирижабли стали использоваться только для морской разведки.

За время ведения войны против Британии германские дирижабли совершили в общей сложности 51 налет, было сброшено 5806 бомб общим весом 196 000 кг. Убиты 557 человек и еще 1358 ранены; материальный ущерб оценивался в 1 527 585 фунтов стерлингов.

Всего было построено 113 цеппелинов, из которых 88 во время войны. Аварии стали причиной гибели 25 дирижаблей, 46 погибли во время боевых операций, 6 потеряны по невыясненным обстоятельствам, 21 разобран по причине технического износа, 7 уничтожены собственными экипажами. Уже к середине войны, с развитием средств ПВО, цеппелины уже не могли играть сколько-нибудь значительной роли в войне в воздухе.

Тайна «Красного барона» Манфреда фон Рихтгофена

После маневров 1912 года французский генерал Галлиени признал, что армия, лишенная воздушной разведки, будет слепой по сравнению с армией, располагающей воздушными средствами.

За четыре года воюющими государствами были проведены около ста тысяч воздушных боев, в ходе которых было сбито 8073 самолета, огнем с земли было уничтожено еще 2347 самолетов.

По собственным заявкам на победы англичане претендовали на 8100 сбитых самолетов противника, а французы – на 7000. Немцы же потеряли в воздушных боях только 2138 самолетов; еще около 1000 машин (в основном разведчиков и бомбардировщиков) не вернулись из вылетов на территорию противника, но погибли ли они в воздушных боях или от огня с земли – неизвестно. Не более 500 машин потеряла также Австро-Венгрия и прочие союзники Германии. Ничего себе – расхождение: при заявленных 15 000 побед реальными явились только 3500! Таким образом, коэффициент достоверности побед Антанты не превышает 0,25. С другой стороны, германскими пилотами-истребителями было заявлено почти 6000 побед (точнее – 5973), большая часть которых была действительно подтверждена обломками сбитых машин (ведь немцы в основном предпочитали драться над своей территорией). 161 германский летчик имел на своем счету 10 и более воздушных побед. Такого количества асов в странах Антанты не было. Они вместе уничтожили 3270 машин противника.

Летом 1915 года ВВС Германии, получив новые истребители Fokker E.I, наносили тяжелейшие потери Королевским Воздушным Силам Великобритании. Этот самолет был первым самолётом, оснащённым прерывателем – устройством, позволявшим синхронизировать огонь установленного на носу пулемёта с вращением винта, что позволяло стрелять прямо по курсу без опасности повредить пулями лопасти. Это давало существенное преимущество в бою над любыми другими существовавшими на тот момент истребителями. К концу лета немецкое преимущество в воздухе стало почти абсолютным. Но вскоре в странах Антанты началось производство истребителей с аналогичным синхронизатором: FE2, Airco DH.2 и лёгкий Nieuport 11. У немцев тоже появились новые истребители Albatros D.II в августе 1916 года и Albatros D.III в декабре того же года. Это позволило им вновь получить значительное техническое преимущество, и апрель 1917 года стал «кровавым апрелем» для союзников. Но вскоре техническое и численное превосходство Антанты в воздухе стало подавляющим. Теперь немцы могли контролировать воздушное пространство лишь над небольшим участком фронта одновременно. Но вскоре у немцев появился знаменитый Fokker D.VII, которому не было равных в воздухе. Однако количественный перевес Антанты преодолеть он не смог.

Барон Манфред фон Рихтгофен стал лучшим асом Первой мировой войны более чем с 80 сбитыми самолётами противника. Прозвище «Красный барон» получил после того, как покрасил в ярко-красный цвет фюзеляж своего самолета Albatros D.V, затем Fokker Dr.I, чтобы наводить страх на противника. В начале войны Рихтгофен служил офицером кавалерии, но в мае 1915 года перешел в авиацию, где стал пилотом-наблюдателем. Рихтгофен решил стать лётчиком после случайной встречи со знаменитым асом Освальдом Бёльке, в эскадрилье которого позднее служил. Первый самолет он сбил 17 сентября 1916 года в районе Камбре. После каждой победы барон заказывал серебряный кубок, на котором гравировал дату боя и тип сбитого самолета. До того момента, когда из-за блокады в 1917 году

возник дефицит серебра, Рихтгофен успел получить 60 кубков. Перед каждым полетом он получал на счастье поцелуй от своей любимой.

Манфред фон Рихтгофен. 1917–1918 гг.

В феврале 1917 года барон возглавил эскадрилью Jasta 11, где было немало асов. В апреле 1917 года Рихтгофен сбил 22 аэроплана противника. 6 июля он был тяжело ранен и выбыл из строя на несколько недель. Ранение в голову привело к тяжёлым последствиям – Рихтгофен страдал от головных болей и тошноты. После возвращения в строй он возглавил 1-й истребительный полк (эскадру) (Jagdgeschwader I). В 1917 году Рихтгофен издал мемуары «Красный истребитель», уже в следующем году переведенные на английский язык. В начале 1918 года ему предлагали стать инструктором и обучать пилотов, поскольку опасались, что гибель знаменитого летчика подорвет моральный дух немцев. 21 апреля 1918 года Манфред фон Рихтгофен был смертельно ранен в бою над холмами Морланкур, в районе реки Соммы, преследуя самолёт Sopwith Camel канадского лейтенанта Уилфреда Мэя. В свою очередь, Красного барона преследовал командир канадской эскадрильи капитан Артур Рой Браун. Также по красному «Фоккеру» Рихтгофена вели огонь пулемётчики и стрелки австралийской пехотной дивизии. Рихтгофен получил ранение от пули 303-го калибра, стандартного для стрелкового оружия Британской империи, которая попала в грудную клетку снизу сзади и прошла насквозь. Он немедленно приземлился на холме рядом с дорогой Брэ-Карби, к северу от деревни Во-сюр-Сомм. Его «Фоккер» не был повреждён при посадке. Некоторые источники сообщали, что Рихтгофен умер через несколько секунд после того, как к нему подбежали австралийские солдаты, но скорее всего в момент приземления он был уже мёртв, с таким ранением Рихтгофен не мог прожить более 20 секунд. Считается, что Рихтгофен был убит из зенитного пулемёта, возможно, сержантом Седриком Попкином или из винтовки пехотинцем-добровольцем австралийской армии Эвансом. 3-я эскадрилья ВВС Австралии, ближайшее подразделение сил Антанты, похоронила Рихтгофена с военными почестями на кладбище деревеньки Бертангль недалеко от Амьена 22 апреля 1918 года. Три года спустя, по распоряжению французских властей, он был перезахоронен на кладбище для немецких солдат. 20 ноября 1925 года останки Рихтгофена были перевезены в Берлин и в присутствии тысячи горожан, военных чинов, членов правительства и самого Гинденбурга вновь перезахоронены на одном из берлинских кладбищ. В 1975 году прах Красного Барона был снова потревожен, и теперь он покоится на семейном кладбище в Висбадене. 73 победы Рихтгофена имеют документальное подтверждение, а вместе с неподтвержденными их число достигает 84.

Тайна Макса Иммельмана

Макс Иммельман, сын владельца фабрики, пошел в армию добровольцем с началом войны, и когда стали формироваться первые воздушные подразделения, поступил в авиацию. В марте 1915 года он отбыл на Западный фронт, где был определён в FFA 62, летавшую на двухместных разведчиках LVG B.1. 3 июня ему удалось сбить французский аэроплан, на следующий день – ещё один. За это Иммельман и его летчик-наблюдатель лейтенант Тюберн были награждены Железными крестами. В июле Иммельман был переведен в отделение истребителей Fokker Eindekker, где служил и Освальд Бёльке.

26 октября 1915 года Иммельман первым из германских пилотов достиг рубежа в 5 побед, что стало первоначальным критерием для того, чтобы называться «асом» (по-французски – тузом). К концу 1915 года он одержал 7 побед, и его произвели в обер-лейтенанты. 13 марта 1916 года Иммельман довёл свой счёт до 10. Сбитый 16 мая над Лиллем английский разведчик стал его 15-й и последней победой. Его прозвали «лилльским орлом».

Макс Иммельман в кабине самолета Fokker E. II. 26 октября 1915 г.

Первый ас Германии погиб 18 июня 1916 года в бою против истребителей FE.2b из 25-й британской эскадрильи. Англичане считают, что Иммельмана сбил капитан Г. Р. МакКуббину и его стрелок капрал Дж. Х. Уоллеру. В Германии же наиболее распространена версия о том, что Иммельмана погубил сбой в механизме синхронизатора, приведший к тому,

что летчик отстрелил собственную лопасть пропеллера. В результате работа двигателя стала разрушать вибрацией конструкцию планера, что и привело к гибели.

Тайна Освальда Бёльке

Незадолго до войны в чине унтер-офицера войск связи Освальд Бёльке поступил в 3-й телеграфный батальон, расквартированный в Кобленце. Проявив интерес к авиации во время манёвров, он, пройдя соответствующую подготовку (получил квалификацию лётчика 15 августа 1914 года), стал сначала наблюдателем, а затем и пилотом двухместного разведчика. В начале войны он летал в авиационной части FA 13 во Франции со своим братом Вильгельмом, который был его наблюдателем. В октябре 1914 года Освальд был награждён Железным крестом 2-го класса, а в феврале 1915 года – Железным крестом 1-го класса. После перевода в авиационную часть FA 62 Бёльке одержал свою первую воздушную победу 4 июля, летая на LVG C.I., – вражеский «моран» обстрелял и сбил его наблюдатель лейтенант Хайнц фон Вюлиш.

Затем Бёльке стал летать на одноместном Fokker E.I, первую победу на котором одержал 19 августа 1915 года. В марте 1916 года, имея уже 6 побед, он пересел на новый моноплан Fokker E.IV и одержал ещё несколько воздушных побед. После гибели в бою Иммельмана в июне 1916 года Бёльке был отозван с фронта и отправлен в инспекционную поездку на юго-восток, проходившую через Вену, Будапешт, Белград и заканчивавшуюся в Турции. Во время этой поездки он написал наставление о способах ведения воздушного боя и методике организации истребительных авиачастей.

Освальд Бёльке у самолета Fokker D. III. 1916 г.

Когда в июле 1916 года началось сражение на Сомме, он был оперативно возвращён во Францию и получил под свое командование истребительную эскадрилью Jasta 2, имея при этом возможность самостоятельно отбирать пилотов. Среди отобранных им лётчиков были Манфред фон Рихтгофен. К концу октября 1916 года Бёльке имел уже 40 побед.

28 октября 1916 года состоялся его последний бой. Его сопровождали пять пилотов, среди которых были Манфред фон Рихтгофен и Эрвин Бёме. Вшестером они атаковали два английских одноместных истребителя Airco DH.2 из 24-й эскадрильи британских Королевских ВВС. Перед атакой Бёльке неправильно пристегнул свой ремень. Во время боя Бёме и Бёльке не заметили друг друга, атакуя одну цель, и столкнулись – Бёме зацепил колёсами верхнее крыло самолёта Бёльке, который сразу же стал снижаться и пропал в облаках. Верхнее крыло оторвалось, но Бёльке удалось относительно удачно посадить свой Albatros D.II. И хотя удар об землю был не очень сильным, неправильно пристёгнутый ремень и то, что Бёльке никогда не надевал шлем перед полётом, стали причиной его гибели. Основоположник тактики воздушного боя погиб в возрасте 25 лет. Вечером в день его гибели на аэродром Первого истребительного соединения английский самолёт сбросил вымпел с надписью: «В память о капитане Бёльке, нашем мужественном и благородном сопернике, от британских Королевских воздушных сил».

Освальд Бёльке был торжественно похоронен на кладбище Эренфридхоф в Дессау. После его гибели Jasta 2 была переименована в Jasta Boelcke.

Бёльке тщательно обучал своих лётчиков взаимодействию, прежде чем допустить их к боевым полётам. Он понял, что истребители должны действовать группами, и был первым, кто изучал самолёты противника, используя экземпляры, захваченные в лётном состоянии. В «Dicta Boelcke» («Так говорил Бёльке») он выделил восемь основных правил воздушного боя:

1. Старайтесь начинать атаку сверху. По возможности солнце нужно держать у себя за спиной.
2. Начав атаку, не прекращайте её.
3. Стреляйте только с короткого расстояния, когда противник уже пойман в прицел.
4. Не теряйте противника из поля зрения и не поддавайтесь на уловки.
5. Какую бы атаку вы не предпринимали, старайтесь зайти противнику в хвост.
6. Если вас атакуют сверху – не пытайтесь увернуться, а идите в лобовую атаку.
7. В полёте над вражеской территорией не забывайте, в какую сторону отходить.
8. Эскадрильям: лучше всего атаковать группами по четыре или шесть самолётов. Если группа распадается, старайтесь избегать ситуаций, когда несколько человек летят за одним самолетом.

Замечу, что сам Бёльке стал жертвой как раз тогда, когда он и его подчиненные нарушили восьмое правило.

Тайна Петра Нестерова

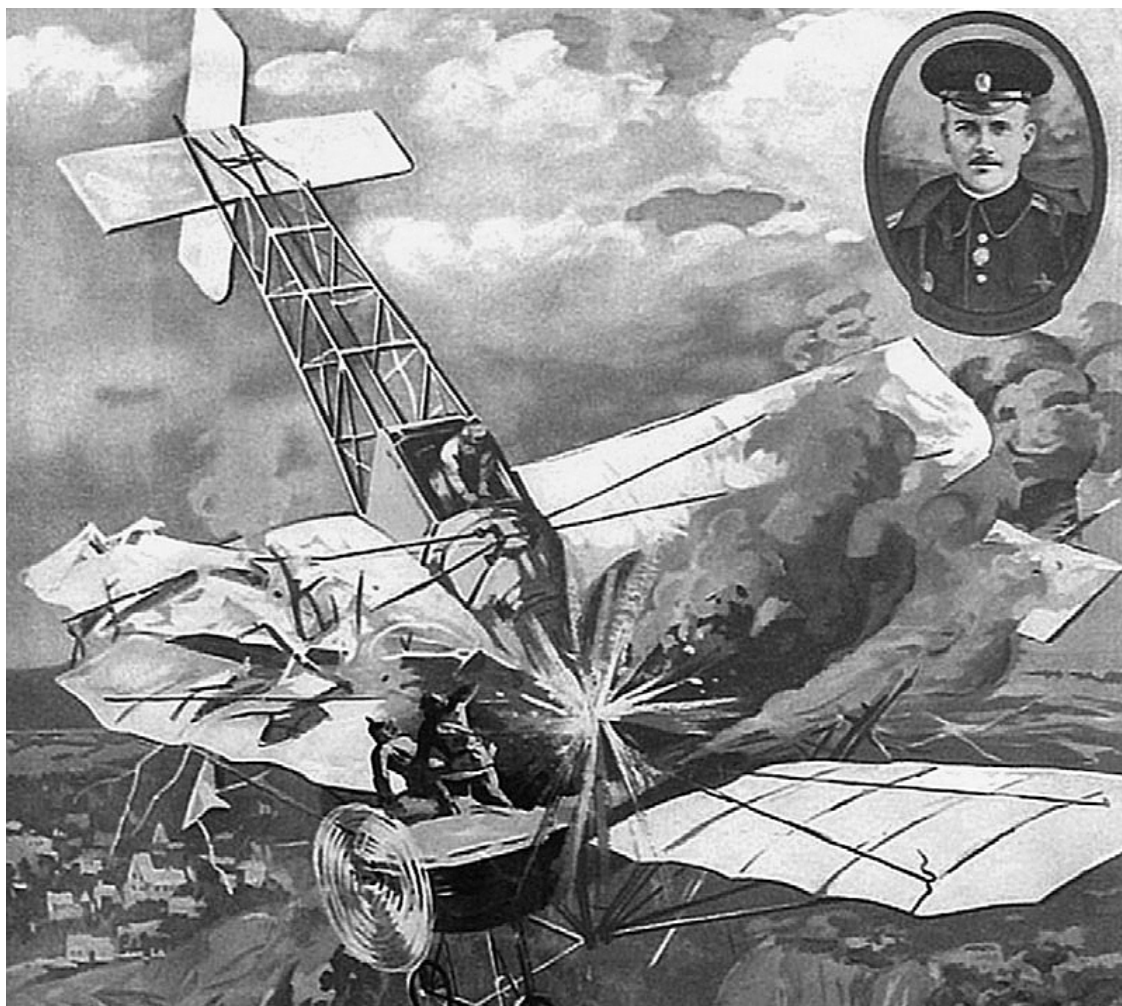
Единственный известный пример русского подвига Первой мировой войны, связанного с самопожертвованием, – это воздушный таран, осуществлённый знаменитым лётчиком штабс-капитаном Петром Николаевичем Нестеровым. Причина особой популяризации этого подвига заключается в широкой известности Нестерова, ещё до войны превратившегося почти в культовую фигуру основоположника высшего пилотажа в России. 27 августа 1913 года в Киеве над Сырецким полем Нестеров впервые в мире выполнил на самолёте «Ньюпор-4» с двигателем «Гном» в 70 л. с. замкнутую петлю в вертикальной плоскости. С началом войны Нестеров выполнил одну из первых в России бомбардировок приспособленными для этого артиллерийскими снарядами.

26 августа (8 сентября) 1914 года тяжёлый австрийский «Альбатрос» летел на высоте, недостижимой для выстрелов с земли. Нестеров пошёл ему наперерез в лёгком быстроходном «Моране». Австрийцы пытались уйти от столкновения, но Нестеров настиг их и попытался нанести шасси своего аэроплана удар по краю несущей плоскости «Альбатроса». Однако удар пришелся в середину «Альбатроса»; колёса «Морана» попали под верхнюю плоскость, а винт и мотор ударили по ней сверху. Тонкостенный вал, на котором держался ротативный двигатель «Гном», переломился; мотор оторвался от самолёта Нестерова и упал отдельно. Значительно облегченный «Моран» стал неуправляемо планировать – по-видимому, при столкновении Нестерова бросило вперёд, и он погиб, ударившись виском о ветровое стекло. «Альбатрос» некоторое время продолжал полёт, но затем потерял управление и стал падать; его экипаж погиб от удара о землю. После падения, по словам очевидцев, Пётр Нестеров был ограблен, вероятно, казаками. Генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии М. Д. Бонч-Бруевич в мемуарах утверждал: «Потом рассказывали, что штабс-капитан, услышав гул австрийского самолета, выскочил из своей палатки и как был в одних чулках забрался в самолет и полетел на врага, даже не привязав себя ремнями к сиденью (странно, почему Нестеров сидел в палатке без сапог, если в любую минуту мог появиться австрийский разведчик. Более вероятно, что сапоги с убитого штабс-капитана успели снять казаки. – Б. С.).

Поднявшись, Нестеров стремительно полетел навстречу австрийцу. Солнце мешало смотреть вверх, и я не приметил всех маневров отважного штабс-капитана, хотя, как и все окружающие, с замирающим сердцем следил за развертывавшимся в воздухе единоборством.

Наконец, самолет Нестерова, круто планируя, устремился на австрийца и пересек его путь; штабс-капитан как бы протаранил вражеский аэроплан, – мне показалось, что я отчетливо видел, как столкнулись самолеты.

Австриец внезапно остановился, застыл в воздухе и тотчас же как-то странно закачался; крылья его двигались то вверх, то вниз. И вдруг, кувыркаясь и переворачиваясь, неприятельский самолет стремительно полетел вниз, и я готов был поклясться, что заметил, как он распался в воздухе.

Воздушный таран Петра Нестерова 26 августа (8 сентября) 1914 г.

Какое-то мгновение все мы считали, что бой закончился полной победой нашего летчика, и ждали, что он вот-вот благополучно приземлится. Впервые примененный в авиации таран как-то ни до кого не дошел. Даже я, в те времена пристально следивший за авиацией, не подумал о том, что самолет, таранивший противника, не может выдержать такого страшного удара. В те времена самолет был весьма хрупкой, легко ломающейся машиной.

Неожиданно я увидел, как из русского самолета выпала и, обгоняя падающую машину, стремглав полетела вниз крохотная фигура летчика. Это был Нестеров, выбросившийся из разбитого самолета. Парашюта наша авиация ещё не знала; читатель вряд ли в состоянии представить себе ужас, который охватил всех нас, следивших за воздушным боем, когда мы увидели славного нашего летчика, камнем падавшего вниз...

Вслед за штабс-капитаном Нестеровым на землю упал и его осиротевший самолет. Тотчас же я приказал послать к месту падения летчика врача. Штаб располагал всего двумя легковыми машинами – командующего и начальника штаба. Но было не до чинов, и показавшаяся бы теперь смешной длинная открытая машина с рычагами передачи скоростей, вынесенными за борт, лишенная даже смотрового стекла, помчалась к месту гибели автора первой в мире „мертвой петли“.

Когда останки Нестерова были привезены в штаб и уложены в сделанный плотниками неуклюжий гроб, я заставил себя подойти к погибшему летчику, чтобы проститься с ним, –

мы давно знали друг друга, и мне этот человек, которого явно связывало офицерское звание, был больше чем симпатичен».

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что сам Нестеров, совершая таран, надеялся уцелеть и не собирался уничтожать вражеский самолёт ценой собственной жизни. В «Акте расследования по обстоятельствам геройской кончины начальника XI корпусного авиационного отряда штабс-капитана Нестерова» подчёркивалось:

«Штабс-капитан Нестеров уже давно выражал мнение, что является возможным сбить неприятельский воздушный аппарат ударами сверху колёсами собственной машины по поддерживающим поверхностям неприятельского аппарата, причём допускал возможность благополучного исхода для таранящего лётчика... Об опасности такого рода действия товарищи покойного ему неоднократно указывали, настаивая на том, что при ударе в воздухе таранящий аппарат должен обязательно подломаться, на что штабс-капитан Нестеров отвечал, что это еще не доказано, а, наконец, если аппарат и сломится, то это еще ничего не значит, так как все равно когда-нибудь разбиваться придется, а жертвовать собой есть долг каждого воина... следствие трудности учесть поступательную скорость обеих машин, аппарат штабс-капитана Нестерова не ударил австрийский аэроплан колесами, а врезался мотором между двумя несущими поверхностями бимоноплана. Доказательством сего служат: а) совершенно изломанный винт Морана, б) обмотавшаяся вокруг обломка того же винта наружная крышка боуденовского гибкого вала от счетчика оборотов, в) поломка вала, отделение мотора от аппарата и отдельное его падение на землю, метрах в 130 от первого... Штабс-капитан Нестеров вылетел из аппарата и упал на землю отдельно от машины метрах в 25 от нее; момент отделения его от аппарата установить не удалось: имеются показания, что он вылетел в самый момент столкновения аппаратов, но некоторые показывают, что это случилось значительно ниже указанной точки».

Посмертно Петр Нестеров был удостоен орденом Св. Георгия 4-й степени.

Тайна Евграфа Крутеня

Евграф Николаевич Крутень был поручиком артиллерии, но мечтал об авиации, в августе 1913 года Евграф Николаевич был направлен для подготовки в качестве летнаба (летного наблюдателя) в Третью Киевскую авиационную роту. Но он хотел сам пилотировать самолет и в январе 1914 года был направлен в Гатчинскую авиашколу. С сентября 1914 года Крутень был прикомандирован к 21-му корпусному авиационному отряду, которым командовал П. Н. Нестеров. В первый год войны Крутень осуществлял воздушную разведку и бомбометание. Он также написал публицистическую работу «Кричащие нужды русской авиации», где утверждал: «Наши летчики, как мотыльки, беспечно порхающие с аппарата к женщине, от женщины на бутылку, потом опять на аппарат, потом на карты. Отжарил боевой полет – и брюшко вверх. Внеполетной работы нет».

В мае 1915 года Крутень возглавил 25-й армейский авиаотряд. 30 июля 1915 года он одержал свою первую воздушную победу. В начале весны 1916 года, прибыв в Москву на завод «Дукс», он некоторое время занимался испытанием и приемкой новых самолетов. По возвращении на фронт Крутень всерьез поставил перед командованием вопрос о создании специальных – истребительных – авиагрупп. С марта 1916 года он – командир 2-го авиационного отряда истребителей. В ноябре 1916 года Евграф Николаевич, как один из лучших российских истребителей, был направлен «по обмену опытом» во Францию, где воевал в 3-й эскадрилье «Аистов». В боях под Амьеном и Нанси он сбил два немецких самолета, после чего отправился в Англию. Вернувшись на Родину в марте 1917 года, Крутень был произведен в капитаны и опять стал командиром 2-й истребительной авиагруппы, действовавшей на Западном фронте. На его «Ньюпоре-23» красовался профиль Ильи Муромца. Крутень написал брошюры «Наставление летчику-истребителю», «Воздушный бой», «Военная авиация во Франции», «Что думалось в Лондоне», «Нашествие иноплемеников». Он предложил ввести практику парных полетов и обосновал основные требования к самолету-истребителю: вертикальная и горизонтальная скорость, маневренность, способность набирать большую высоту, «поднырнуть» под аэроплан противника и атаковать неприятеля сзади, тогда как большинство летчиков-истребителей предпочитали начинать атаку сверху. 6/19 июня 1917 года, возвращаясь с очередного боевого задания, при заходе на посадку на малой высоте самолет Крутеня сорвался в штопор, и пилот погиб. Причина катастрофы не была установлена. В память о летчике была выбита специальная медаль, а 2-я истребительная авиагруппа с тех пор именовалась «авиагруппой имени Крутеня». Отважный летчик был похоронен на Лукьяновском кладбище Киева, рядом с могилой Нестерова. 26-летний Крутень имел 5 документально подтвержденных побед и еще 10 – предположительных. Он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Посмертно он был представлен к званию подполковника и к ордену Святого Георгия 3-й степени.

Евграф Крутень. 1916–1917 гг.

Тайна Александра Казакова

Наиболее результативный русский ас-истребитель Первой мировой войны Александр Александрович Казаков. В январе 1914 года приступил к лётной подготовке в первой в России Офицерской воздухоплавательной школе в Гатчине, переименованной в Военно-авиационное училище, которое окончил в конце года. Войну начал младшим лётчиком 4-го корпусного авиационного отряда. Первая воздушная победа – 18/31 марта 1915 года, в этот день Казаков совершил второй после Петра Нестерова воздушный таран, в котором сбил германский аппарат типа «Альбатрос», сам же благополучно приземлился. За этот подвиг Казаков получил Георгиевское оружие.

Александр Казаков

С августа 1915 года Казаков был начальником 19-го корпусного авиационного отряда, а с февраля 1917 года – исполняющий должность командира 1-й боевой авиационной группы Юго-Западного фронта. К сентябрю 1917 года он был уже подполковником и кавалером

ордена Св. Георгия 4-й степени. За три года войны Казаков сбил лично 17 и в групповых боях ещё 15 самолётов.

С ноября 1917 года Казаков был исполняющим должность командира 7-го авиационного дивизиона, а в декабре того же года на общем собрании солдат был избран командиром 19-го корпусного авиационного отряда. Октябрьскую революцию Казаков не принял и в июне 1918 года тайно уехал в Мурманск. Когда в августе 1918 года в Архангельске началось формирование 1-го Славяно-Британского авиационного отряда, Казаков был назначен его командиром. Ему присвоили чин лейтенанта Королевских военно-воздушных сил. Отряд Казакова поддерживал Северную армию генерала Евгения Миллера в боях с большевиками. В конце октября 1918 года, во время наступления Красной армии в районе с. Большие Озерки, оказался отрезанным вместе с отрядом и английской колонной полковника Хаггелтона. Две недели оборонялся в полном окружении, укрывшись в Спском монастыре. Организовав воздушную разведку и выявив наиболее слабый участок противника, Казаков прорвал кольцо окружения и соединился с союзными силами. Затем принял командование Двинским авиационным дивизионом Славяно-Британского авиационного корпуса. В январе 1919 года Казаков был ранен пулей в грудь. Он неоднократно успешно осуществлял разведку и бомбардировку. Весной 1919 года Казаков получил звание майора Королевских Военно-воздушных сил Великобритании. В апреле по собственному желанию сдал командование Двинским авиационным дивизионом английскому майору Карру, оставшись на должности военного-летчика 1-го Славяно-Британского авиационного отряда.

В мае Казаков участвовал в операции по уничтожению аэродрома красных в районе станции Пучега, на Северной Двине.

1 августа 1919 года во время испытаний только что отремонтированного самолета типа «Сопвич-Снайп» на отрядном аэродроме в Двинском Березнике Архангельской губернии, в 250 км к югу от Архангельска, Казаков потерпел аварию, когда, согласно отчету комиссии, «при полном повороте направо самолет перешел на нос и при работающем моторе врезался в землю возле одной из палаток». Можно предположить, что отказала система управления. Казаков умер на месте от перелома позвоночника при падении. Похоронили Александра Казакова на кладбище около церкви. На могиле поставили надгробие из двух перекрещенных пропеллеров, а на белой доске вывели надпись: «Лётчик Казаков. Сбил 17 немецких самолётов. Мир праху твоему, герой России». Восстановили памятник в 2009 году. Существует версия, что Казаков покончил собой, однако этому противоречит факт его похорон на церковном кладбище и отсутствие видимых причин для самоубийства. В тот момент Белое дело отнюдь не казалось проигранным ни на Севере, ни в целом по России, так как в это время Деникин вел успешное наступление на Москву, а Северная армия также вела успешные бои с 6-й отдельной армией красных, несмотря на то что союзники собирались вывести свои войска из Мурманска и Архангельска.

Тайна Павла Аргеева

Поручик Павел Владимирович Аргеев в сентябре 1912 года был приговорен к месяцу гауптвахты «за неисполнение приказа по невнимательности» и уволен со службы, будучи исполняющим обязанности обер-офицера для поручений при управлении дивизионного интенданта 8-й пехотной дивизии. Провинность заключалась в том, что Аргеев не явился в часть, сославшись на болезнь. После увольнения Аргеев эмигрировал во Францию. С началом Первой мировой войны он поступил во французскую армию, где командовал пехотной ротой и был произведен в капитаны. Аргеев был пять раз ранен, получил Кавалерский крест ордена Почетного легиона и был признан негодным к строевой службе в пехоте. В сентябре 1915 года его направили в авиационную школу в Аворе и Дугни, скорее по окончании которой Аргеев был зачислен в состав Французской авиационной миссии в России и с октября 1916 года служил в российском 12-м авиационном отряде истребителей в чине штабс-капитана. В ноябре он оказался в 19-м корпусном авиационном отряде, которым командовал А. А. Казаков. В марте 1917 года Аргеев возглавил этот отряд. В июле он стал командиром 2-й боевой авиационной группы. На русско-германском фронте он сбил 6 самолетов и в 1917 году был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени. Не приняв большевиков, в начале 1918 года Аргеев выехал назад во Францию через Архангельск. Там он воевал в истребительной эскадрилье в районе Реймса, сбил еще 9 самолетов и был удостоен Офицерского креста ордена Почетного легиона.

Павел Аргеев

После войны Аргеев работал пилотом в коммерческой авиационной компании, занимавшейся грузопассажирскими перевозками по маршрутам Париж – Страсбург, Париж – Прага. 30 октября 1922 года Павел Аргеев погиб в авиакатастрофе, совершая рейс Прага – Варшава. Полет происходил в сложных погодных условиях. Самолет вошел в слой густого тумана и врезался в гору в районе Трутнова (Трантенау), в чешских Татрах. Похоронили русского героя в Париже.

Тайна Александра Прокофьева-Северского

Александр Николаевич Прокофьев-Северский окончил Морской кадетский корпус в декабре 1914 года в чине мичмана. К тому времени он самостоятельно научился летать, поскольку его отец, певец оперетты и владелец театра (Северский – его сценический псевдоним), был одним из первых самолетовладельцев в России и пилотом-любителем, членом Петербургского аэроклуба, а в войну летал на «Илье Муромце». В июле 1915 года Прокофьев окончил Севастопольскую авиационную школу для подготовки летчиков морской авиации. Во время вылета на бомбометание в Рижском заливе 15 июля 1915 года Прокофьев атаковал германскую канонерскую лодку, но был сбит зенитной артиллерией. Пуля попала в одну из бомб. Взрывом летчик-наблюдатель унтер-офицер Андрей Блинов был убит, а сам Прокофьев тяжело ранен, но спасся, поскольку его подобрал русский эсминец. В госпитале ему ампутировали правую ногу ниже колена, но Прокофьев научился летать с протезом.

С начала 1916 года он работал на петербургском заводе 1-го Российского товарищества воздухоплавания в качестве наблюдателя за постройкой и испытанием гидросамолетов, предназначенных для авиации Балтийского флота. В это время Прокофьев начал работать в качестве конструктора. Он, в частности, изобрел лыжи для летающих лодок Григоровича, что позволило использовать их круглый год.

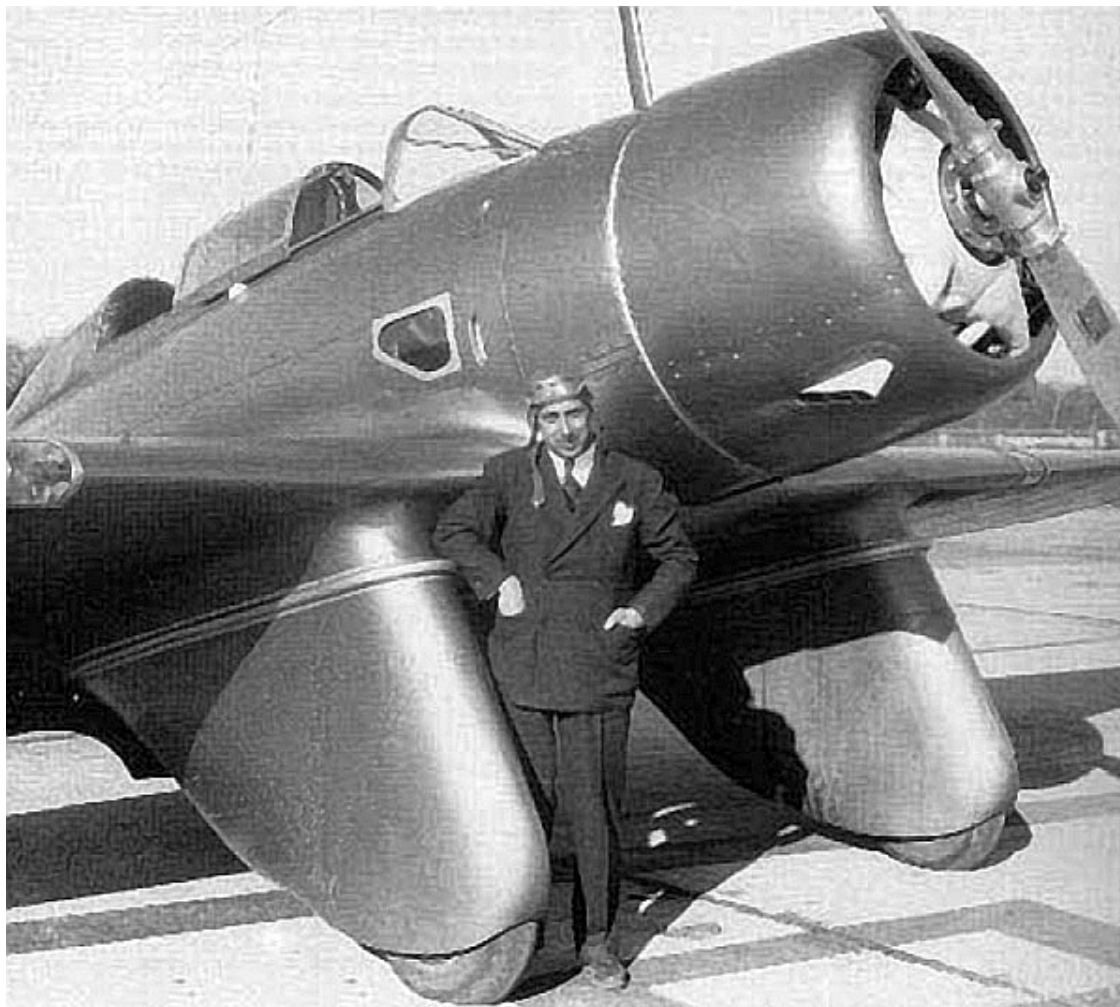
Однажды во время показательных полетов Прокофьев без разрешения заменил отсутствовавшего летчика. Узнав об этом, Николай II захотел сам увидеть его. Морской офицер продемонстрировал прекрасную строевую выправку, предстает перед императором. Тот осторожно спрашивает о протезе. Получив утвердительный ответ, царь без колебаний разрешил Прокофьеву летать. 21 июня/4 июля 1916 года на гидросамолете М-9 он сбил свой первый самолет Albatros C 1a.

28 ноября 1916 года Прокофьев был удостоен Георгиевского оружия. В феврале 1917 года его произвели за отличия в лейтенанты. 12/25 октября 1917 года «за отличие в делах против неприятеля» Прокофьев был произведен в чин старшего лейтенанта (соответствовал армейскому капитану) и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за то, что 27 сентября (10 октября) сбил два немецких самолета, а 1/14 октября, при эвакуации с Эзеля, вынужденный посадить свой самолет из-за поломки мотора на территории, занятой немцами, он, сняв с самолета пулемет и ряд инструментов, 16 км шел к своим и сумел перейти линию фронта. Всего Прокофьев одержал 13 побед.

В сентябре 1917 года Прокофьеву предложили место помощника атташе по делам Военно-морского флота в русском посольстве в США. Тогда он отказался от этого предложения, оставшись, по просьбе командования, на фронте. Но после захвата власти большевиками и последовавшего за тем разложения в авиации и на флоте решил воспользоваться этой возможностью, чтобы навсегда покинуть страну. Прокофьев прибыл в США в марте 1918 года и поступил на службу в русское посольство в Вашингтоне. Тогда же он изменил свою труднопроизносимую для иностранцев двойную фамилию и стал просто Александром де Северским.

Вскоре состоялась его встреча с генералом У. Митчеллом – убежденным сторонником развития бомбардировочной авиации, «крестным отцом» американских стратегических военно-воздушных сил. Идеи Северского по поводу конструкций самолетов Митчеллу понравились, и Северский стал инженером-консультантом при Военном департаменте в Вашингтоне. В 1927 году получил американское гражданство, и ему было присвоено звание майора ВВС США в запасе (в Америке сочли, что ближе всего к его званию старшего лейтенанта российского флота в американских ВВС стоит звание майора). В 1922 году Северский основал фирму «Seversky Aero Corp», а когда она обанкротилась в период Великой депрес-

сии, в 1931 году создал новую фирму «Seversky Aircraft Corp». Он занимался как проектированием, так и испытанием самолетов. Наиболее успешным его проектом стал один из самых массовых тяжелых истребителей времён Второй мировой войны P-47 Thunderbolt, эскортировавший стратегические бомбардировщики.

Александр Прокофьев-Северский в США. 1934 г.

Всеобщую известность Северскому принесла изданная в 1942 году книга «Воздушная мощь – путь к победе», ставшая бестселлером. Он доказывал, что США могут и должны стать самой могущественной воздушной державой мира, что гарантирует ей победу в войне и военное превосходство. По этой книге компания Уолта Диснея сняла пропагандистский фильм, в котором, в промежутках между рисованными анимированными сценами, выступал сам Александр Северский. Этот фильм Рузвельт и Черчилль просматривали совместно.

К концу войны был одним из самых авторитетных аналитиков в сфере военной авиации и занимал должность военного консультанта правительства США. В 1945 году Северский был награжден медалью «За заслуги», а в 1969 году – медалью «За исключительные заслуги».

В 1970 году Прокофьев-Северский был увековечен в Национальном Зале славы авиации.

Он скончался 24 августа 1974 года в возрасте 80 лет в Нью-Йорке и был похоронен на кладбище Вудлон в Бронксе.

Тайна Эдварда Рикенбакера

Эдвард Рикенбакер – самый знаменитый американский ас Первой мировой войны. Свою фамилию швейцарского происхождения Райхенбахер он сменил на Рикенбакер после приезда в Англию в 1916 году, чтобы в нем не подозревали германского шпиона. Рикенбакер начинал как успешный автогонщик (болельщики называли его «Бешеный Тевтонец»), но после вступления США в Первую мировую войну предложил Штабу Американской армии создать специальную истребительную эскадрилью, укомплектованную чемпионами-автогонщиками, чьи физическая тренированность, быстрая реакция, знание техники и опыт, приобретенный на соревнованиях, должны были помочь им в воздушных боях. Вместо этого Рикенбакера назначили личным шофером командующего американского экспедиционного корпуса во Франции генерала Першинга. Сержант Рикенбакер 27 мая 1917 года отбыл в Европу. В августе 1917 года ему пришлось чинить мотор у машины полковника Вильяма Митчелла, который был командующим американскими Воздушными Силами во Франции. Качество ремонта полковнику понравилось, и он устроил перевод Рикенбакера в школу пилотажа в Туре. Затем пришлось окончить еще и школу воздушной стрельбы в Казо. 4 марта 1918 года лейтенант-инженер авиации США Эдвард Рикенбакер прибыл в 94-ю истребительную эскадрилью 1-го истребительного корпуса, которым командовал майор Ф. Хаффер. Все самолеты эскадрильи имели на своих бортах широко известную эмблему: «The Hat in the Ring» – «Шляпа в кольце». Первый боевой вылет к немецким позициям Эдди совершил 19 марта в группе со знаменитым майором Раулем Лафбери, имевшим 17 воздушных побед, и опытным лейтенантом Дугласом Кэмпбеллом. Но вскоре Рикенбакер создал собственную тактику воздушного боя. Первую победу он одержал 29 апреля на истребителе «Ньюпор-28» в районе Боссана на высоте 2000 метров над «Альбатросом». 30 мая Рикенбакер праздновал уже свою пятую победу. После перерыва, вызванного болезнью в июне – августе, американский ас, вернувшись на фронт в начале сентября 1918 года, быстро освоил новый истребитель СПАД-ХІІІ, на котором уже 14 сентября одержал первую победу. 25 сентября Рикенбакер уничтожил два самолета, был произведен в капитаны и возглавил 94-ю эскадрилью. Он убеждал своих летчиков обязательно поддерживать друг друга в бою. Под его командованием пилоты эскадрильи одержали 69 побед – больше, чем любая другая американская эскадрилья. Последнюю свою победу Рикенбакер одержал 30 октября в районе Сен-Жовин, уничтожив на 200-метровой высоте истребитель «Фоккер». Всего он провел 134 боевых вылета, в которых одержал 26 документально-воздушных побед (22 германских аэроплана и 4 аэростата). Рикенбакер был награжден орденом Почетного легиона и медалью Почета Конгресса и произведен в майоры.

Эдвард Рикенбакер

После войны Рикенбакер руководил рядом автомобилестроительных и авиастроительных фирм. В годы Второй мировой войны он совершал инспекционные поездки в Великобританию, Африку, Иран, Индию, Советский Союз (насчет которого предсказал, что он будет капиталистической страной), Китай, Исландию и Гренландию, помогая американским ВВС и следя за поставками американской техники. В октябре 1942 года во время рейса на самолете «В-17» в южную часть Тихого океана экипаж самолета потерял ориентировку, заблудился и из-за кончившегося горючего был вынужден приводниться. Двадцать два дня Рикенбакер, обладавший большой моральной силой, поддерживал своих более молодых товарищей. Он подбадривал людей, находившихся посреди океана на надувном плотике,

убеждая, что помощь обязательно придет. И во многом благодаря ему все благополучно спаслись.

После войны бывший летчик продолжал заниматься бизнесом до выхода на пенсию в 1963 году. Рикенбакер скончался в Цюрихе, на исторической родине, 23 июля 1973 года в возрасте 82 лет.

Тайна Рене Фонка

Рене Поль Фонк, сбивший 75 самолетов, стал самым результативным асом не только Франции, но и всех стран Антанты. Он встретил войну военным инженером, но вскоре поступил на авиационные курсы, по окончании которых в мае 1915 года почти два года летал на самолётах-разведчиках Caudron в 47-й эскадрильи. Первую победу Фонк одержал 6 августа 1916 года, когда он со своим наблюдателем нанёс повреждения «Фоккеру» и заставил приземлиться «Румплер». А 17 марта 1917 года в бою с 5 немецкими самолётами Фонк сбил неприятельский «Альбатрос D.III». После этого 15 апреля 1917 года Фонк был переведен в истребительную «группу аистов» и до конца года одержал 19 побед. Аист – это птица, которая каждый год гнездилась на дымоходах Лотарингии, захваченной немцами с конца Франко-прусской войны. Поэтому аист символизировал стремление Франции вернуть Эльзас-Лотарингию. В 1918 году он одержал еще 56 побед, причем дважды ему удавалось сбивать по 6 самолетов в день. Фонк слыл среди товарищей «холодным математиком»: он всегда точно рассчитывал любые варианты хода воздушной схватки и действовал наверняка, подвергая себя лишь минимальному риску. Фонк никогда не бросался в бой сломя голову. Все приёмы были заранее подготовлены и тщательно отработаны. А еще он удивительно метко стрелял. На каждый сбитый самолёт французский ас тратил в среднем по 9 патронов. Он утверждал: «Я стреляю по цели, как будто вручную вбиваю пули».

Рене Фонк

Конструктор Луи Бешеро решил использовать новый мотор, в котором ось винта сместилась вверх в развал блоков цилиндров в качестве лафета для 37-мм короткоствольной пушки Гочкисса. Первоначальный заказ на новый истребитель, названный «Спад» S.XII CaI,

составил 300 экземпляров. Однако вскоре выяснилось, что пушечный «Спад» годится лишь для виртуозов воздушного боя, которые стреляют «редко, но метко», и в итоге построили лишь 20 машин. Даже Гинемер, вначале с восторгом принявший новинку, через пару недель предпочёл вернуться к «летающему пулемёту». Зато благодаря новому оружию Фонк 9 мая 1918 года уничтожил 6 самолётов противника. Правда, однажды он едва не погиб, когда в момент акробатического маневра снаряды высыпались из кассет, укрепленных по бортам кабины. Оставшемуся безоружным асу пришлось спасаться бегством.

За всю войну истребитель Фонка лишь один раз получил пулевой прострел крыла. Этому способствовало и то, что знаменитый ас никогда не летал в одиночку. Сзади его всегда прикрывали ведомые. Его девиз был: «Сбивать противника, не подвергаясь опасности». Многие пилоты считали подход Фонка слишком научным, а потому командование особенно скрупулезно проверяло все заявленные им победы.

В 1918 году Фонк возглавил 103-ю эскадрилью и стал передавать свою тактику воздушного боя подчиненным. В результате его эскадрилья несла значительно меньшие потери, чем другие эскадрильи. Служивцы уважали его за боевые заслуги, но вместе с тем считали хвастуном и черствым человеком. У него было 75 побед, подтвержденных не менее чем тремя независимыми свидетелями (последняя – 1 ноября 1918 года), и еще с полсотни не подтвержденных, свидетелем которых был только сам Фонк.

Фонк закончил войну капитаном. В 1926 году прославленный ас вступил в борьбу за приз Раймонда Ортейги в 25 000 долларов за трансатлантический перелёт из Европы в Америку. Он стал командиром интернационального экипажа из 4 человек на трёхмоторном самолёте И. И. Сикорского «S-35». 20 сентября, уже на взлёте, случился пожар, и Фонк с помощником едва успели выскочить; двое других членов экипажа (радист и механик) погибли, а сам Фонк получил серьёзные ранения. Фонк надеялся, что Сикорский построит второй самолет, но его фирма разорилась, и первый трансатлантический перелет в 1927 году совершил Чарльз Линдберг. После этого Фонк вернулся в военную авиацию и вышел в отставку в 1939 году полковником с поста инспектора истребительной авиации. Он дружил с Германом Герингом и Эрнстом Удетом, но после оккупации Франции немцами не был обвинен в коллаборационизме. Наоборот, он предостерегал маршала Петэна от сотрудничества с Гитлером и контактировал с руководителями движения Сопротивления. Его даже удостоили в 1948 году «Сертификата Сопротивления», где говорилось: «Г-н Фонк, Рене, член сражающейся Франции, без униформы, на территории, оккупированной врагом, участвовал в славных боях за освобождение нации». Рене Фонк после Второй мировой войны занимался бизнесом и умер 18 июня 1953 года в Париже в возрасте 59 лет и был похоронен в родной деревне Сольсюр-Мёрт в департаменте Вогеzy.

Тайна Жоржа Гинемера

Жорж Гинемер был одним из самых прославленных французских асов Первой мировой войны, по числу побед в воздухе уступавшим только Рене Фонку. После начала Первой мировой войны Гинемер пять раз пытался записаться в армию, однако получал отказ ввиду слабого здоровья и малого роста. Тем не менее ему удалось поступить в школу авиамехаников в местечке По. А уже 23 ноября 1914 года Гинемера зачислили курсантом в школу пилотов, которую он окончил в мае 1915 года в Аворде. 19 июля 1915 года Гинемер одержал первую победу на Morane-Saulnier L. Его летчик-наблюдатель сбил немецкий Aviatik C.I. Гинемер был произведен в сержанты за этот подвиг и награжден «Военной медалью». В феврале 1916 года после окончания элитной школы пилотов № 3 он одержал свою пятую победу и был официально признан асом. Гинемер вспоминал: «Я до 20 метров не открывал огонь. Почти сразу мой противник ушел в штопор. Я пикировал за ним, продолжая стрелять. Я хорошо видел, как он упал на своей территории. Без сомнений, с ним было покончено. Это моя пятая победа». К концу 1916 года Гинемер одержал уже 25 побед, стал лейтенантом и командиром звена. Одним из первых пилотов в сентябре 1916 года Гинемер получил Spad VII, новый «Старина Чарли» был оснащен двигателем Hispano-Suiza 8A и синхронизированным пулеметом Vickers. На нем 23 сентября он подстрелил 2 «Фоккера», но на пути назад его самолет задело 75-мм снарядом, по ошибке запущенным французскими зенитчиками. С подбитым двигателем и порванным крылом, Гинемер начал падать, но вовремя смог выровнять самолет, перевернувшись при посадке. «Остался только фюзеляж, — писал он отцу. — Спэд прочный, с другой машиной я был бы сейчас тоньше, чем этот лист бумаги». В мае 1917 года, Гинемер, как и Фонк, стал летать на Spad VII с новой 37-мм пушкой. Самым удачным месяцем для аса стал как раз этот месяц, когда он сбил 7 самолётов. В июле того же года он стал первым французом, одержавшим в воздухе 50 побед.

Жорж Гинемер

Когда Гинемер взял отпуск на несколько дней и навестил семью, отец предложил ему бросить летать, стать преподавателем или техническим консультантом, объяснив, что прекращает полеты, так как получил все свои награды. Жорж ответил: «Пусть это говорят другие». Его отец возразил: «Человеческой выносливости есть предел». «Да! – сказал ему Жорж. – Предел, которого надо достигнуть. Если ты не отдал всё – ты не отдал ничего».

Гинемер погиб 11 сентября 1917 года в воздушном бою в небе Западной Фландрии. Предположительно, его сбил немецкий ас Курт Виссман, который сам погиб 28 сентября в бою с британскими самолетами. Обломки самолета и тело Гинемера так и не были найдены. Ему было всего 22 года. Юный летчик был национальным героем Франции, и его гибель восприняли как трагедию для всех французов. В бельгийском местечке Лангемарк-Пелькапель после войны был воздвигнут памятник Ж. Гинемеру: на высокой колонне – статуя устремленного в небо журавля, в том направлении, в котором ушел в свой последний полет лётчик. Гинемер сбил 53 самолета, но и сам был сбит 7 раз.

Тайна Эдварда Мэннока

Ирландец Эдуард Корингхем – «Мик» Мэннок – стал самым результативным пилотом Первой мировой войны. Незадолго до начала войны он, будучи сотрудником Британской телефонной компании, приехал в Турцию для организации работ по прокладке телефонных линий в Стамбуле. После вступления в войну Турции Мэннока, как «гражданина враждебного государства», поместили в лагерь для военнопленных. Его освободили в мае 1915 года «по состоянию здоровья». Лагерный врач подписал медицинское заключение, в котором 27-летний техник был представлен как «слепой старик, не пригодный к воинской службе» (Мэннок с детства почти не видел одним глазом). Мэннок вернулся в Англию и сразу отправился на призывной пункт. Там, учитывая его болезненное состояние, новобранца определили в Королевский армейский медицинский корпус. В марте 1916 года он перевёлся в инженерные войска, но уже тогда мечтал быть пилотом. В августе 1916 года ему удалось обмануть медкомиссию и поступить в авиашколу. В ноябре Мэннок был зачислен в 10-й учебный истребительный дивизион. 7 мая Эдуард одержал свою первую победу – сбил немецкий привязной аэростат. Первую победу над самолетом он отпраздновал только месяц спустя. 22 июля 1917 года Мэннок возглавил 40-ю эскадрилью. 12 августа он сбил германского аса Иохима фон Бертраба, а к концу года имел уже 19 побед и стал капитаном. Устаревший «Ньюпор 17» Мэннок сменил на новый английский истребитель RAF SE.5a.

Эдуард Мэннок

В январе 1918 года аса назначили командиром 74-й эскадрильи, которая выполняла роль учебной. В апреле эту эскадрилью отправили во Францию. Мэннок вновь стал участвовать в воздушных боях, но у него появился страх перед горящими самолётами, особенно после того как в мае его любимый ученик лейтенант Долан погиб в горящем самолете. Мэннок стал брать с собой пистолет, чтобы застрелиться, если самолет загорится. В июне его перевели в 85-ю эскадрилью. 26 июля Эдуард совместно с ведомым сбил вражеский бомбардировщик над линией фронта. Пока шёл бой, зенитки с обеих сторон молчали, опасаясь попасть в своих. Но как только немецкий самолет был сбит, орудия с германской сто-

роны фронта открыли огонь. От прямого попадания снаряда истребитель Мэннока загорелся и, объятый пламенем, врезался в землю вблизи германских позиций. Немцы похоронили Мэннока, но позднее могила была утеряна. Его ведомый, вернувшись на аэродром, записал победу на счёт погибшего командира. Посмертно майор Мэннок был награждён «Крестом Виктории». Всего он одержал 73 победы.

Тайна Уильяма Бишопа

Уильям Эвери (Билли) Бишоп – самый знаменитый канадский ас Первой мировой войны. Он поступил в 1911 году в Королевский военный колледж Канады, где учился весьма средне. После начала войны Бишоп был зачислен в кавалерийский эскадрон 2-й Канадской дивизии, но из-за пневмонии остался в Канаде, когда дивизия отправилась в Европу. Его прикрепили к 14-му батальону Канадских конных стрелков. Батальон прибыл в Англию в учебный лагерь на побережье Кента. Здесь Бишоп опять свалился с пневмонией, после чего обратился к лорду Хью Сесилу, лейтенанту Королевского лётного корпуса, с просьбой о переводе в Королевский лётный корпус и стал воздушным наблюдателем. До июля 1916 года он служил в 21-й эскадрилье, которая занималась разведкой и корректировкой артиллерийского огня. Затем попал в госпиталь и подал рапорт о зачислении на курсы пилотов, но был признан негодным по состоянию здоровья. Однако благодаря помощи леди Сент-Хельер, с которой познакомился в госпитале, Бишоп к ноябрю добился зачисления на курсы пилотов. Затем, имея налет всего в 4 часа, он был зачислен в 37-ю эскадрилью, совершавшую ночные вылеты на перехват вражеских цеппелинов, бомбивших юг Англии. В первом бою 17 марта 1917 года Бишоп одержал победу и вскоре стал командиром звена. Он начал разрабатывать тактику воздушного боя. Бишоп делал упор на необходимость атаковать с солнечной стороны. К концу апреля он уже одержал 17 побед и был произведен в капитаны. Но в апреле эскадрилья понесла тяжелые потери. 13 из 18 пилотов первоначального состава и 7 пилотов, присланных им на смену, были сбиты. В конце мая Бишоп предложил атаковать германские аэродромы. 2 июня Бишоп в одиночку атаковал аэродром в районе деревни Эстурмель, уничтожив и повредив семь базировавшихся на нем самолетов, а в последовавшем воздушном бою сбил три «Альбатроса». В 1982 году на экраны Канады вышел фильм «Парень, который не мог промахнуться». В нем сочетались документальные кадры и постановочные эпизоды. Авторы фильма ставили под сомнение подвиги Бишопа и прежде всего эпизод с налетом на аэродром. Исследователи этой проблемы пришли к выводу, что у авторов фильма нет доказательств, что отчет Бишопа о налете на аэродром был ложным, хотя в фильме цитируется утверждение одного канадского историка, что германские источники не подтверждают победы Бишопа в этот день. Также германские источники ставят под сомнение и некоторые другие победы Бишопа, так как немцы порой не несли в указанные дни тех потерь, на которые претендовал Бишоп. Правда, не все немецкие данные о потерях самолетов сохранились.

Билли Бишоп

Вскоре Бишоп получил пулю в бензобак. Дотянув до своей территории, он врезался в дерево и повис на нём вниз головой. Но начавшийся дождь позволил ему сбить пламя. 13 марта 1918 года Бишоп был произведён в майоры и назначен командовать новой 88-й истребительной эскадрильей, укомплектованной канадцами, британцами, новозеландцами и американцами и размещённой в Мидлсексе. 19 июня 1918 года он совершил свой последний боевой вылет, сбив два истребителя Pfalz и двухместный разведывательный LVG. После этого правительство Канады, опасавшееся, что самый прославленный боец страны будет убит в очередном бою, отозвало его с фронта. В августе он был произведен в подполковники и направлен в Англию для формирования Военно-воздушных сил Канады в составе двух эскадрилий. В конце войны Бишоп получил британский крест «За выдающиеся лётные заслуги» и французский орден Почетного легиона. Всего он имел 72 подтвержденных победы.

После войны Бишоп занимался в Англии бизнесом, так или иначе связанным с авиацией, но после биржевого краха 1929 года вернулся в Канаду, где стал директором по продажам и рекламе компании Frontenac Oil. В 1936 году он стал первым вице-маршалом ВВС Канады, а в 1938 году был произведен в маршалы авиации и назначен главой Комитета советников ВВС Канады. Он предвидел, что Вторая мировая война не за горами. Вскоре после начала Второй мировой войны он сделался начальником отдела набора персонала канадских ВВС. Бишоп успешно создал систему подготовки пилотов в Канаде и был одним из архитекторов плана подготовки персонала ВВС Британского Содружества, в рамках которых в Канаде было подготовлено 167 тыс. человек авиAPERсонала. В 1944 году Бишоп ушел в отставку по состоянию здоровья и вернулся в нефтяной бизнес, которым занимался вплоть до ухода на пенсию в 1956 году.

Уильям Бишоп скончался 11 сентября 1956 года в возрасте 62 лет в Пальм-Бич (Флорида) и был похоронен в семейном склепе на кладбище Гринвуд в Оуэн Саунд (Онтарио).

Тайна Вальтера Николаи

Вальтер Николаи был руководителем германской разведки в годы Первой мировой войны. Около 1896 года Николаи впервые побывал в России, что дало ему возможность усовершенствовать русский язык и по возвращении представить доклад о состоянии русской армии. В 1904 году он закончил Военную академию Генерального штаба в Берлине. В 1906 году Николаи возглавил разведывательный пункт в Кёнигсберге, став первым офицером разведки штаба 1-го армейского корпуса в Кёнигсберге. До этого он изучил японский язык. Его собирались командировать в Японию для изучения опыта русско-японской войны, но поездка не состоялась. В 1906 году он еще раз побывал в России. Николаи удалось развернуть в пограничных районах России агентурную сеть. По его примеру должности офицеров разведки через год были созданы и в штабах других приграничных корпусов. В дальнейшем Николаи удалось расширить агентурную сеть и охватить ей обе столицы. Николаи вспоминал: «После моей командировки в Восточную Пруссию последовала двухлетняя строевая служба в качестве ротного командира в средней Германии. В июле 1912 г. я был переведен в Генеральный штаб, а в начале 1913 г. был назначен начальником разведывательного управления Большого генерального штаба. В качестве такового, я должен был одновременно руководить совместно с полицейскими властями борьбой с вражеской разведкой». В 1912 году он утверждал: «Правительство, чей Генштаб может предвидеть минимальные колебания акций на медь, сталь, хлопок, шерсть на бирже, а также следить за производством бензина и пищевых продуктов, нужных для армии, – такое правительство выигрывает сражение, еще не начав войны». Нельзя сказать, что германское правительство и Генеральный штаб перед началом войны не имели представления, что страны Антанты значительно превосходят Германию и ее союзников как по промышленному, так и по военному потенциалу. Но в Берлине надеялись на победу в молниеносной войне, когда противник не успеет развернуть все свои ресурсы.

Вальтер Николаи

В начале 1913 года майор Николаи был назначен руководителем разведывательной службы (отдел III В Генерального штаба), внесшей немаловажный вклад в раскрытие австрийского шпионского скандального дела Редля.

Перед новым назначением Николаи съездил на короткое время во Францию. Он отметил рост там антигерманских настроений и постоянное напоминание населению «... об Эль-

засе и Лотарингии, с одной стороны, и введение его в заблуждение относительно военных приготовлений Германии, с другой».

Николаи понимал, что мировая война не за горами, и утверждал:

«Шпионаж – это война в мирное время. Разведке нельзя нанести удар разоружением. Интенсивный шпионаж должен предшествовать интенсивному вооружению для подготовки к войне».

Он изучал работу против Германии разведслужб России и Франции и сам до войны успел создать сеть из более чем 300 агентов в неприятельских и нейтральных странах. Но многие агенты не представляли большой ценности. А были ли среди них действительно значимые агенты, с достоверностью неизвестно даже сегодня. Разведчики, даже отставные, как правило, не пишут о тех агентах, которые не были провалены. А документы немецкой разведки времен Первой мировой войны в руки союзников не попали и не были опубликованы. Имена подавляющего большинства агентов так и остались неизвестными широкой общественности – такова специфика работы. Некоторые же получили всемирную известность. Самым, наверное, знаменитым агентом Николаи была Мата Хари, хотя до сих пор идут споры, была ли она в действительности немецкой шпионкой. Старейшим и одним из самых удачливых агентов был барон Август Шлюга, прослуживший в агентурной разведке полвека, оказавший Германии неоценимые услуги и, в отличие от многих своих коллег, благополучно скончавшийся в своем имении в возрасте 76 лет.

Важнейшим агентом Николаи считают Элизабет Шрагмюллер, выполнившую много заданий во Франции, Швейцарии, Бельгии, Англии, Италии. «Она отбирала агентов и обучала их, отправляя для выполнения заданий в нейтральные страны. У нее было отличное чутье, – она безошибочно делала выбор, разбиралась в психологии, обладала способностями организатора. Она была фанатичной патриоткой. Когда надо, жертвовала разведчиком ради дела».

Николаи возглавлял германскую разведывательную службу с 1913 по 1919 год. После окончания Первой мировой войны в звании полковника Николаи вышел в отставку и написал две книги мемуаров.

Николаи работал в составе экспертной комиссии Имперского института по изучению истории новой Германии. После окончания Второй мировой войны в 1945 году добровольно остался на территории, занятой советскими войсками. Николаи был вывезен из Германии в Москву, где был подвергнут тщательному допросу. Он жил на спецдаче НКГБ-МГБ в Серебряном Бору (по другим данным – в Бутырской тюрьме). Работал над записками мемуарного и аналитического типа по личному указанию Сталина.

На допросе 27 сентября 1945 года Николаи показал: «К началу империалистической войны я был переведен в Верховное Командование германскими вооруженными силами, возглавляемое генерал-полковником фон Мольтке. От генерала Мольтке я получил указание организовать разведку и контрразведку и создать за счет военной пропаганды надежную связь между главным командованием армии и населением. Разведывательная служба при Верховном Командовании именовалась отделом III-Б... К началу войны насажденная вдоль границ агентура прекратила свою работу вследствие прохождения в местах ее концентрации линий фронтов. Переброска агентуры практиковалась через нейтральные страны, в частности, через Данию, Норвегию и Финляндию, причем в этих же странах проводилась и вербовка агентуры, которая по своим возможностям выезжала в бывшую Россию под видом путешественников и прочих. На фронтах агентура подбиралась из военнопленных, перебежчиков, и для этих целей использовались всевозможные документы».

На вопрос же: «Имелась ли у вас агентура из среды правительственных кругов царской России?» полковник ответил: «Такой агентуры разведывательная служба Германии не

имела. В основном агентура имелась из низших слоев населения, не обладавшая положительными качествами в своей работе». По всей вероятности, в данном случае он не врал. В тот момент агентура среди бывших царских чиновников могла иметь только историческое значение. И, хотя бы для истории, Николаи было бы только выгодно для истории представить себя «королем разведчиков», а вербовку какого-нибудь царского министра до 1917 года вряд ли бы Сталин поставил ему в вину.

29 сентября 1945 года на вопрос: «В вашей книге отражено, что разведслужба Германии имела ценные связи в России, в частности, на странице 66 книги „Тайные силы“ в русском переводе указано: „Германской разведслужбе удалось еще до войны завязать в России и Франции ценные связи и поддержать их до возникновения войны“. Далее вы там же подтверждаете, что война выявила свое разлагающее влияние прежде всего в России, а затем во Франции и даже в Англии, так что германская разведка нашла всюду немногочисленные, но хорошие связи. Это обстоятельство свидетельствует о наличии в России и других странах ценной агентуры, которую вы безусловно должны были знать», Николаи признался: «Изложенное в книге в отношении России не соответствует действительности. Я в своей книге о ценной агентуре в России не писал. В России ценных связей или ценной агентуры германская разведка не имела».

Но следователь настаивал: «Вы говорите неверно, потому что на страницах 48 и 49 книги „Тайные силы“ вы описываете положение в России и о мобилизации русской армии согласно полученных сообщений от агентуры, о чем было доложено императору. Такое сообщение агентура из низших слоев населения дать не могла. А что вы теперь скажете?»

Николаи оправдывался: «По этому конкретному случаю я помню, что сообщение о мобилизации русской армии было получено от рядового агента, еврея, нелегально перешедшего границу из России в Германию. Этот агент доложил офицеру германской разведки в городе Кёнигсберге». Следователь пытался поймать полковника на противоречиях: «В книге „Тайные силы“ вы на странице 30 и других указываете, что германская разведслужба имела благоприятные условия для вербовки агентуры в русской пограничной полосе из лиц еврейской национальности. Вы своими показаниями противоречите выпущенной вами книге».

Однако старого разведчика не так легко было сбить с толку: «Да, это верно, еврейское население, проживающее на границе, в России, действительно, разведка использовала для агентурной работы в пользу Германии, и в книге это отражается. Но должен пояснить, что это были низшие слои еврейского населения, не обладавшие большими возможностями для разведывательной службы, а представляли малозначительные сообщения о России».

А в собственноручных объяснениях, написанных 23 сентября 1945 года, Николаи утверждал: «Я должен был указать агентов, которые до и во время мировой войны работали в России в пользу Германии. Я никаких агентов не знал и мне неизвестны какие-либо имена.

Считаю невероятным, что в России были только такие агенты, которых мне как начальнику германской разведывательной службы вовсе не нужно было знать.

Поэтому необходимо, чтобы я обрисовал организацию немецкой разведки против России. В каждой стране и против каждой страны разведка имеет разные пути. Она должна приспособливаться к обстановке.

Управляя секретным фондом генерального штаба, я установил, что для службы секции III-B осталось немногим больше 300 000 марок. Из этих денег надо было обеспечить 5 офицеров связи в генеральных командах в Кёнигсберге, Алленштайне, Данциге, Познани и Бреславле, с приблизительно восемью подразделениями на границе, 5 офицеров на Западном фронте в генеральных командах в городах Мюнстер, Кобленц, Метц, Саарбрюккен и Страсбург.

По линии абвера надо было обеспечить семь центральных полицейских ведомств в Берлине, Гамбурге, Познани, Мюнхене, Дрездене, Штутгарте, Страсбурге.

Можно рассчитать, как мало средств оставалось для каждого органа, работающего для разведывательной службы. В 1914–1915 гг. секретный фонд был увеличен до 450 000 марок. Но это небольшое повышение до начала мировой войны не было использовано.

Само собой понятно, что при таких стесненных денежных средствах германская разведывательная служба не могла проводить такую деятельность, в какой ее обвиняла чья-то пропаганда, подстрекающая к войне. Поэтому я не в состоянии давать показания, соответствующие этим изображениям о больших немецких „агентурах“ в России.

Германскому абверу удалось раскрыть многочисленные случаи мелкого шпионажа или измены родине в пользу России, но за все время мировой войны в Германии не было раскрыто ни одно крупное дело русской разведки. Я не верю также утверждениям, что было доказано сотрудничество в России полковника Мясоедова с германской разведкой. В Германии об этом ничего не известно. Его имя я знаю только как имя одного из успешнейших помощников русской разведки против германской разведки во времена его нахождения до мировой войны в пограничном местечке Вирбаллен (Вержболово)».

17 января 1946 года на вопрос: «В своей книге „Тайные силы“ вы утверждаете, что дислокация русской армии, ее вооружение, подготовка и снаряжение, равно как и район предполагаемого наступления, к началу войны 1914–1918 гг. были известны германскому генеральному штабу. Вы это подтверждаете?» Николай ответил: «Подтверждаю. Германскому генеральному штабу до начала войны 1914–1918 гг. были известны: дислокация русской армии, добытая через агентуру германским генеральным штабом, расположение русских гарнизонов, в особенности на границе, характер вооружения, подготовка и снаряжение русских войск.

Мы внимательно изучали тактику и стратегию русских. Весьма полезными в этом отношении оказались наблюдения майора генерального штаба германской армии барона фон Теттау, прикомандированного во время русско-японской войны к штабу генерала Куропаткина.

Донесения майора фон Теттау в известной мере послужили толчком к изменению прежней тактики и стратегии германской армии, имевшей место в первую мировую войну. Наиболее существенным, однако, наша разведка считала выяснение района возможного наступления русской армии и сосредоточения в этих целях ее крупных ударных частей. В результате наблюдения было установлено, что русское командование придает особое значение укреплению Ковельско-Нарвско-Варшавского фронта своей армии, где в 1913–1914 гг. происходила большая работа по усилению существовавших и строительству новых железнодорожных путей, мостов, вокзалов, автострад и приспособлению всех видов транспорта к форсированным воинским перевозкам. Офицеры генерального штаба, разъезжавшие под видом туристов или коммерсантов, постоянно фиксировали изменения, происходившие в приграничных районах, и, на основании анализа и донесений, германским генеральным штабом были довольно верно предугаданы намерения своего вероятного противника. Так в общих чертах обстояло дело к началу войны 1914 года...

Изучением русской армии занимался аппарат 1-го отделения при штабе верховного командования, который последовательно возглавляли: генерал фон Лауенштейн, полковник фон Лютвиц и полковник граф Позодовский. Все они работали в русском отделении, а затем обычно направлялись в качестве германских военных атташе в Петроград, после чего вновь возвращались в Берлин, чтобы уже возглавить упомянутое русское отделение германского генерального штаба. Должен отметить, что в России существовала не совсем понятная мне как разведчику традиция, по которой некоторые германские офицеры состояли флигель-адъютантами в свите русского царя. Такими приближенными к русскому царю немцами, состоявшими в его свите, являлись, в частности, упомянутые фон Лауенштейн и граф Позодовский, последний – накануне самой войны, в 1913–1914 гг. Они многое видели

и многое слышали, их наблюдения и впечатления представляли серьезный интерес для германского генерального штаба. Особенно принят был в России германский военно-морской атташе капитан фон Гинтце, имевший в Петербурге много друзей. Впоследствии, во время войны 1914–1918 гг., фон Гинтце являлся германским министром иностранных дел. Он же, насколько припоминаю, руководил переговорами по поводу заключения Брестского мира. Основные донесения о России, ее намерениях и положении в русской армии поступали от наших военных атташе».

Следователь осведомился: «Вы ссылаетесь на германских военных атташе в Петрограде, утверждая, что они были основным источником сведений о русской армии. В таком случае непонятно, чем же занимался специальный отдел при германском генеральном штабе, ведущий разведку противника?»

Николай ответил: «Не отрицаю, что возглавлявшийся мною разведывательный отдел получал от верховного командования специальные задания, в частности, о ведении разведки в особо интересовавшем германский генеральный штаб приграничном районе между Вильно и Варшавой. Там мы имели немало своих агентов из местных обывателей.

Насаждением агентуры против русских непосредственно занимались следующие офицеры подчиненного мне русского отделения: в Кёнигсберге – майор Гемпп, в Алленштайне – майор Фолькман, в Данциге – майор Весте, в Познани – майор Людерс, в Бреславле – Гудовиус. Они располагали специальной агентурой, которая вела военную разведку против России. В Берлине все поступающие с мест материалы обрабатывал майор Нейхофф. Из перечисленных мною офицеров германского генерального штаба в живых к моменту моего ареста оставался лишь майор Гемпп, проживавший в Берлине, район Лихтенфельде, улица Гортензии, дом № 26 (неточно). Все остальные мои коллеги и подчиненные были старше меня возрастом, и вряд ли кто-либо из них существует в настоящее время».

Конкретных фамилий полковник стремился не называть, утверждая: «Наши агенты имели обычно номера, а фамилий их за давностью времен я не помню. С агентурой встречались офицеры, работавшие непосредственно близ линии фронта, я их уже назвал. Мне лично не довелось иметь ни одной встречи с кем-либо из агентов, действовавших против России, да это и не требовалось обстоятельствами дела, поскольку проверка достоверности поступающих донесений производилась на месте, а не в Берлине».

Интересовались у Николай и использованием в качестве агентуры этнических немцев, проживавших в России: «В России, как известно, до первой мировой войны проживало значительное количество немцев, занимавших более или менее видное положение в русской промышленности, в финансовых и технических кругах, а также в армии. Разве вам не были известны тайные агенты из этой среды, действовавшие в интересах Германии?»

«Такой агентуры я не знал», – честно признался полковник.

Следователь изобразил удивление: «Могло ли так быть, чтобы начальник разведывательной службы генерального штаба германской армии не был осведомлен об агентуре, по крайней мере наиболее ценной, находившейся и действовавшей в лагере противника?»

«Но так было на самом деле, я показываю правду и прошу мне верить», – стараясь быть максимально убедительным, воскликнул Николай.

13 июня 1946 года в собственноручных объяснениях он писал по поводу отношений с Парвусом и о золоте для большевиков: «Об отношениях, установившихся во время первой мировой войны между разведслужбой германского генерального штаба и Парвусом-Гельфандом в Швейцарии, я могу сообщить только то, что изложено в моей рукописи.

Если желательны дальнейшие сведения, то я могу указать только следующее:

1. Я не предвидел никакой существенной пользы для военной разведслужбы от его использования, а самое большее, что можно было предвидеть, – это политическое или пропагандистское его использование. И то, и другое не относилось больше на Восточном фронте к

задачам организации нач. III-Б, а было самостоятельно передано верховному главнокомандующему Восточного фронта (нач. штаба – генерал Гофман) и командующему на Украине (фельдмаршалу фон Эйхгорну).

2. Полученные мною сведения о личности Парвуса звучали неблагоприятно. (Насколько я припоминаю, он происходил из немецких журналистов в Швейцарии.)

3. Я не помню больше (но считаю это основным с точки зрения сегодняшнего суждения), искал ли Парвус связи лично от себя или же ее искал какой-либо орган германской разведслужбы.

4. То же самое относится и к вопросу, получал ли Парвус должное вознаграждение или требовал его.

5. Я только еще знаю, что эти отношения были прерваны из-за их незначительности для военной разведслужбы и потому, что они не могли иметь успеха в политическом или пропагандистском отношении из-за их рискованности.

6. Это не играло тогда никакой особой практической роли. Я вспомнил об этом только сейчас, когда натолкнулся при чтении сочинений Ленина (тт. XX–XXII) на фамилию Парвус и на не совсем благоприятную оценку его личности, которая открыто подтверждала мою точку зрения во время первой мировой войны».

Можно не сомневаться, что сам Николай не имел отношений ни с Парвусом, ни с большевиками, и золото им не передавал.

В феврале 1947 г. Николай перенёс инсульт. Умер 4 мая 1947 года в Бутырской тюрьме в возрасте 73 лет. Останки кремированы и погребены на Новом Донском кладбище в братской могиле. В 1999 году по решению российских военно-судебных органов Вальтер Николай был реабилитирован. Скорее всего, его смерть последовала из-за естественных причин, хотя не исключено, что пребывание в заключении не самым лучшим образом сказалось на здоровье престарелого разведчика. Но то, что он был отравлен, выглядит маловероятно.

Тайна Макса Ронге

Офицер австрийского Генштаба Максимилиан (Макс) Ронге был одним из руководителей австрийской разведки в годы Первой мировой войны и был единственным из высокопоставленных офицеров этой разведки, оставившим мемуары. В 1908–1914 годах в звании капитана, а затем майора он руководил разведотделом Разведывательного бюро (Evidenzbüro) – австро-венгерской военной разведки императорского и королевского генерального штаба. В 1913 году он сыграл видную роль в разоблачении своего бывшего начальника и покровителя Альфреда Редля и стал начальником агентурного отделения разведывательного бюро Генштаба и заместителем начальника Разведывательного бюро. Именно Ронге обратил внимание на невостребованное письмо с большой суммой денег, с которого началось расследование, приведшее к разоблачению Редля. С 1917 года и до конца войны Ронге являлся начальником Разведывательного бюро. В конце войны он был произведен в генерал-майоры. В его подчинении было 300 офицеров, 400 полицейских агентов и 600 солдат. По словам Ронге, «записи об агентах были сожжены, поэтому я могу лишь ориентировочно указать, что общее число их достигало 2000 человек, часть из них была снята с работы как непригодные и ненадежные; некоторые, подозревавшиеся в шпионаже на обе стороны, были отданы под суд или интернированы. К концу войны на работе оставалось около 600 агентов». Он был убежден, что «в Австро-Венгрии измены происходили не чаще, чем в других странах. Но у нас слишком много о них говорилось, отчасти потому, что в начале войны действительно пришлось казнить большое количество людей за шпионаж и за оказание помощи противнику. Хотя эти измены русинов и сербов нервировали армию, но для высшего командования они, в большинстве случаев, роли не играли. Доказательством могут служить жалобы неприятельских штабов на слабые результаты их агентурной разведки».

Макс Ронге. Рисунок О. Бруха. 1915 г.

Ронге утверждал, что и брусиловский прорыв не стал неожиданностью:

«С начала апреля 1916 г. стали поступать повторные сообщения о намечавшемся русском наступлении в Буковине и в Галиции. В середине месяца появилось очень много перебежчиков, подтверждавших сведения о предстоящем наступлении. 13 мая агентурная разведка с полной определенностью уведомила командование 4-й армии, что и на ее фронте, на участке Картшловка – Кoryто, следовало ожидать наступления 8-го и

11-го русских корпусов. В связи с этим 4-й армии была подчинена 13-я ландверная дивизия. 20 мая поступило предостережение о том же от военного атташе в Бухаресте. Ген. Авереску в кругу своих друзей заявил, что, по сообщению румынского военного атташе в Петербурге, „русские в ближайшее время начнут большое наступление, которое должно показать, что германцы напрасно считают их неспособными к наступлению“. К этому времени и наша 7-я армия подготовилась к атаке, хотя имела примерно против семи русских дивизий только шесть дивизий, расположенных южнее Днестра.

Наша агентурная разведка дала группировку сил противника на русском фронте, которая в части, интересовавшей прежде всего австро-венгерские войска, вполне соответствовала действительности, как это впоследствии подтвердили труды русских авторов (Литвинова, Зайончковского, Клембовского, Васильева и Черкасова). Замечены были небольшие переброски войск в целях подготовки наступления, но прибытия новых соединений для образования мощной ударной группы установлено не было. Это объяснялось тем, что новый главнокомандующий юго-западным фронтом ген. Брусилов хотел атаковать всеми наличными силами на всем протяжении фронта. К концу месяца уже не оставалось никаких сомнений в наступательных замыслах противника на фронте Олыка – Тарнополь и южнее Днестра, начало атаки ожидалось с часу на час.

Таким образом, и в этом отношении разведывательная служба полностью выполнила свой долг. На этот раз следовало похвалить и русскую разведывательную службу. 9-я русская армия, используя кители пленных перебежчиков и, в частности, кадета ландштурма Душана Иозшовича, хорошо выяснила нашу систему укреплений. 7-я армия также была превосходно информирована, как видно было из захваченного донесения начальника штаба ген. Головина. Особенно она рассчитывала на „меньшую стойкость 36-й пех. дивизии, состоявшей преимущественно из славян“».

Ронге вспоминал: «Трудности разведки в России побудили меня организовать с 1 марта 1914 г. секретную школу для особенно одаренных и предназначенных для крупных задач людей. Мелкие разведчики должны были сами приучаться к работе. Я имел в виду также организацию курсов для офицеров, предназначавшихся для разведывательных поездок, но это не было проведено в жизнь». По его мнению, «для разведывательной службы наиболее важны: трезвая оценка и последовательность, знание людей, компетентность в специальности, знакомство с неприятельской организацией и знание языков. Естественность, здравый смысл и осторожность – вот лучшие свойства разведчика. Фальшивые бороды, переодевание и т. п. надо, по возможности, отбросить. Именно естественность является наилучшей „маской“. Когда разведчик отправляется в Италию под видом художника, то бритые усы, большая шляпа, бархатная куртка с небрежно повязанным галстуком и клетчатые панталоны – все это ему мало поможет, если он не умеет рисовать. Если же он умеет, то достаточно будет и обычного штатского костюма. Разумеется, не следует надевать при этом кавалерийских ботфорт со шпорами и носить белье с инициалами „А. Н.“, имея паспорт на имя „Феликса Дурста“».

Ронге высоко оценил достижения австрийской разведки в годы Первой мировой войны:

«Для оценки достижений разведывательной службы в мировую войну нужно сопоставить достигнутые; результаты с действительностью, которую теперь легко установить по вышедшим историческим трудам. Чтобы

не утомить читателя, я ограничился лишь теми моментами, которые представляли особый интерес для главного командования, в частности, развертывание наших противников до начала операций, установление которого является наиболее трудной задачей для разведывательной службы. Не рискуя оказаться нескромным, можно утверждать, что наши расчеты, основанные на сопоставлении и комбинировании различных данных, были очень близки к действительности. Во всяком случае, наша разведывательная служба не уступала неприятельской, а зачастую далеко ее превосходила.

Во второй половине войны выдающуюся роль играла радиоразведка (за исключением балканского театра). Ряд лет я усердно, но безрезультатно искал в литературе каких-либо указаний на то, что наши непосредственные противники также пользовались этим средством разведки. Другое наше новое средство – подслушивание телефонных разговоров – скоро было скопировано противником. В связи с применением этого средства непосредственно на фронте его нельзя было так строго сохранить в секрете, как радиоразведку. Последняя до конца войны оставалась величайшей тайной австро-венгерской армии. Все офицеры и солдаты различных национальностей, работавшие в этой области, оказались верны своему долгу и строго охраняли секрет».

За редким исключением, эти достижения были достигнуты за счет разведки, так сказать, «поля боя», тогда как агентуры в высших неприятельских штабах и правительствах Ронге не имел.

После окончания Первой мировой войны Ронге занимался репатриацией венгерских военнопленных, будучи заместителем директора бюро по делам военнопленных и интернированных. Одновременно он входил в состав тайного общества, планировавшего свергнуть республиканское правительство и восстановить монархию. В 1932 году Ронге ушел в отставку, но в следующем году был возвращен на службу, возглавив специальное бюро государственной полиции, фактически – политическую полицию. В следующем году он стал работать в канцелярии федерального канцлера Энгельберта Дольфуса, но не сумел предотвратить его убийство австрийскими нацистами в том же году. После аншлюса Австрии в 1938 году Ронге отказался вступить в СС, в ведение которых была передана вся полиция Рейха, и был депортирован в концлагерь Дахау. Оттуда он написал «Декларацию лояльности» шефу абвера Вильгельму Канарису по случаю его производства в вице-адмиралы и в августе 1938 года был освобожден. В годы Второй мировой войны Ронге жил в Вене, не занимая никакой должности. После окончания войны он помогал американцам создавать австрийскую разведывательную и контрразведывательную службу в Австрии. Его однокурсником в офицерском училище был Теодор Кёрнер, будущий социал-демократ и первый президент Второй Австрийской республики в 1951 году, что также способствовало его деятельности. Макс Ронге умер в Вене 10 сентября 1953 года в возрасте 78 лет.

Тайна полковника Альфреда Редля

Альфред Редль – вероятно, самый известный шпион эпохи Первой мировой войны. Редль был офицером австро-венгерской разведки и был завербован русской разведкой. Насчет того, когда и при каких обстоятельствах произошла вербовка, а также по вопросу о том, какую именно информацию Редль успел передать России, споры продолжают по сей день.

Альфред Редль

Точно известно, что Редль передал русской разведке данные о системе военных железных дорог в Австро-Венгрии, собранные им еще в 1894–1895 годах во время его работы в железнодорожном бюро. Он также собрал ценную информацию в 1900–1905 годах в русском отделе и в разведотделе Генерального штаба, а затем снова в 1907–1911 годах в качестве заместителя начальника Эвиденцбюро (разведотдела) и, наконец, с 1911 года в должности начальника штаба VIII корпуса в Праге. Признание Редля касалось работы в 1910–1911 годах, следствие же указывало на 1907-й и даже на 1905 год как год вербовки. Был проверен счет Редля в Новой Венской сберегательной кассе. «С начала 1907 года вклады Редля стали необычно быстро возрастать» и достигли 17 400 крон. В ноябре 1908 года последовали еще 5000 крон, в июле 1909-го – 10 000, в октябре 1910-го – 6000, в апреле 1911-го – 10 000, в мае 1911-го – 37 000, в июне 1911-го – 12 000 крон. Все вклады с 1905 года достигли общей суммы в 116 700 крон. Редль был зажиточным человеком. Расследование показало, что с 1907 года он вел роскошную жизнь, имел слуг, лошадей, оказывал денежную помощь лейтенанту Штефану Хоринке, в 1911 году купил два автомобиля. Русский военный агент в Вене полковник (в будущем – генерал-майор) Митрофан Марченко в 1906 году сообщал «о желаниях очень ценного человека», который готов за большие деньги поставлять важную военную информацию. Вероятно, это был Редль, но сторговаться в сумме им удалось только к 1907 году. По другой версии, Редль был завербован *Альфред Редль* еще в 1903 году варшавским отделением русской разведки под угрозой предания огласке его гомосексуальных связей. Это отделение возглавлял Николай Батюшин, будущий военный агент в Берлине. Александр Александрович Самойло, офицер штаба Киевского округа (в будущем он стал генерал-майором царской и генерал-лейтенантом Красной армии), занимавшийся разведкой против Австро-Венгрии, вспоминал, что его предшественник Владимир Христофорович Рооп, бывший в 1900–1905 годах военным агентом в Вене, еще в 1905 году передал ему на связь среди своих агентов в Австро-Венгрии некоего Р., занимавшего ответственный пост в Генеральном штабе. Не исключено, что именно Рооп и завербовал Редля. По словам Самойло, «Рооп сомневался, чтоб основной его знакомый (некто „Р“), занимавший ответственную должность в австрийском генеральном штабе, согласится повидаться со мной лично, но был уверен, что он поручит это дело надежному лицу». При этом встречи Самойло с Р. и другими агентами происходили достаточно часто, но, как правило, за пределами Австро-Венгрии. По словам Самойло, «не совсем ясной осталась для меня судьба моего главного заочного знакомого из числа переданных мне Роопом, некоего „Р“». Он всегда фигурировал в моих долгих сношениях с Веной, но воочию никогда передо мной не появлялся. Однажды дошел до меня рассказ о трагической судьбе одного из офицеров австрийского генерального штаба по фамилии Р., уличенного в том, что он выкрадывал, фотографировал и продавал одной соседней державе важные мобилизационные документы об австрийской армии. Генерал Конрад фон Гетцендорф – начальник генерального штаба австрийской армии, выслушав от него откровенное признание своей вины, вынул из стола револьвер, положил его перед преступником и вышел. Офицер понял свой приговор и привел его в исполнение. Этот поступок, помешавший вскрыть подробности преступления, был поставлен Конраду в большую вину. Был ли покончивший с собой офицер моим заочным знакомым, или это было лишь совпадение, я не знаю. Могу лишь сказать, что когда перед самой войной в 1914 году я попытался по обычному адресу связаться с Веной, то получил ответ, был вызван на свидание в Берн, ездил на это свидание и даже достал последние инте-

ресовавшие нас сведения. Кто был этот „комиссионер“, мне осталось также неизвестно, так как он отказался назвать себя, объявив, что это последнее свидание». Не исключено, что австрийцы таким образом попытались передать дезинформацию.

В краткой докладной записке в военную канцелярию императора 26 мая 1913 года Конрад фон Гётцендорф писал:

«В соответствии со служебным регламентом, часть первая, сообщая вам, что проведенное непосредственно после смерти полковника Альфреда Редля, начальника штаба VIII корпуса расследование, показало с полной достоверностью следующие причины его самоубийства: 1) гомосексуальные связи, которые привели к финансовым затруднениям и 2) продал агентам иностранной державы служебные документы секретного характера».

Среди бумаг полковника были следующие секретные документы: «секретные служебные инструкции об охране железнодорожных сооружений, о минных заграждениях, об организации воинских перевозок», потом «боевое расписание», различные документы и схемы, связанные с разведывательной деятельностью, «секретный справочник» для высших командиров, мобилизационные предписания на случай войны, обзор мероприятий контрразведки в Галиции во время кризиса 1912–1913 годов, листки с именами австрийских агентов, «списки адресов прикрытия иностранных Генеральных штабов», «шпионская корреспонденция» с иностранными разведками, адреса прикрытия, от которых Редль получал письма, наконец, «фотографии крепости Козмач» и съемки маневров 1910/1911 гг. Вывод Эвиденцбюро таков: «Данный материал доказывает, что государству был нанесен большой моральный и материальный ущерб, величину которого определить в цифрах совершенно невозможно. С этой точки зрения необходима переработка многочисленных служебных инструкций и справочников и дорогостоящее изменение конкретных военных приготовлений». Кроме того, австрийским разведчикам и военному руководству было совершенно ясно, что такая большая сумма, как 59 тысяч крон, которая только в 1911 году оказалась на счете Редля, не могла не быть оплатой за что-то очень важное, значительно повредившее «важнейшим интересам монархии», то есть за «план наступления» против основного противника – России, как предполагал и Макс Ронге, хотя Редль во время своего признания в отеле «Кломзер» этот план не назвал. Также он, по всей видимости, передал австрийский план вторжения в Сербию, а также назвал имена многих австрийских агентов в России.

Однако, по словам Ронге, «самое большое предательство – выдача плана развертывания против России – не принесло русским пользы, а наоборот, ввело их в заблуждение.

Нечего было и думать об изменении плана развертывания, если не хотели радикально менять весь план войны, ибо развертывание тесно связано с целым рядом факторов. Русские хорошо знали это и вполне положились на данные Редля. Но когда подошли вплотную к войне, и когда выяснилось, что нечего рассчитывать на поддержку Румынии, на которую прежде рассчитывали, то было обнаружено, что при сосредоточении наших войск правый фланг северной армии был слишком открыт, и потому начальник генштаба решил отодвинуть сосредоточение за рр. Сан и Днестр. Русские ничего об этом не знали. Им неизвестны были даже некоторые изменения, внесенные после 1911 г., как об этом впоследствии сообщил ген. Данилов в своих мемуарах. Они считали, что 3-й корпус, начальником штаба которого был Редль, войдет в состав 3-й армии в Галиции, тогда как в действительности он был направлен против Сербии. Это подтверждает тот факт, что Редль не имел ни соучастников, ни последователей. Он был единственным доверенным лицом России».

Вот одно из писем российской разведки Редлю, которое и привело к его разоблачению:

«Глубокоуважаемый г. Ницетас.

Конечно, Вы уже получили мое письмо от 7 с/мая, в котором я извиняюсь за задержку в высылке. К сожалению, я не мог выслать Вам денег раньше. Ныне имею честь, уважаемый г. Ницетас, препроводить Вам при сем 7000 крон, которые я рискую послать вот в этом простом письме. Что касается Ваших предложений, то все они приемлемы. Уважающий Вас Й. Дитрих.

P. S. Еще раз прошу Вас писать по следующему адресу: Христиания (Норвегия), Розенборггате, № 1, Элизе Кьернли.

Адрес на конверте: Господину Никону Ницетас. Австрия, г. Вена. Главный почтамт, до востребования».

Это письмо и привело к катастрофе. Уже довольно давно лежавшее в главном венском почтамте у Мясного рынка, в апреле 1913 года, оно, как до сих пор не забранное, вернулось назад в Берлин, откуда его и отправили. Очевидно, Редль, переведенный из Вены в Прагу, просто забыл об этом письме или не имел возможности в течение нескольких месяцев вырваться в Вену. Настоящим отправителем письма был Генеральный штаб России. Адресат, которому направлялось столь опасное послание, полковник Редль, то ли не ждал его, то ли забыл о нем. На почте в Берлине конверт открыли, чтобы узнать что-то об его отправителе. Из ряда вон выходящая сумма в «шесть тысяч крон ассигнациями» и, возможно, коротенькая записка с двумя адресами, возбудили любопытство немецкой почтовой цензуры, потому письмо было передано майору Вальтеру Николаи. Указанный отправитель, Й. Дитрих, был одним из «почтовых ящиков», используемых русской разведкой в Берне, что было известно немецкой контрразведке.

Расследование было поручено капитану Максу Ронге. Он вспоминал:

«Это лицо могло жить в Вене, но, может быть, вследствие болезни или других обстоятельств оно не могло получить письма. Может быть, это лицо жило за пределами Вены и лишь иногда приезжало в столицу. Опрос на почте не дал никаких результатов. Там не помнили, поступали ли раньше письма по этому адресу. Оставалось лишь надеяться, что адресат или сам лично явится когда-нибудь за письмом, или пришлет другое лицо. Конфискованное письмо, благодаря неосторожному обращению с ним, было приведено в такое состояние, что адресат немедленно понял бы, что дело неладно. Поэтому мы сфабриковали другое письмо, переданное через германский генштаб в Берлине, и поручили наблюдать за почтовым окошком...

До середины мая поступило еще два новых письма на имя г-на Никона Ницетас, так что мы могли взять наше сфабрикованное письмо обратно. Усилилась уверенность, что шпион попадет в наши сети. Статский советник Гайер поручил наблюдение лучшим сыщикам государственной полиции. Напряжение увеличивалось с каждым днем. Чтобы не возбуждать подозрений, нужно было отказаться от всех дальнейших шагов и терпеливо ждать.

25 мая поздно вечером я пошел домой обедать. Не успел я войти в квартиру, как раздался звонок по телефону. Статский советник Гайер телефонирует мне: „Пожалуйста, придите ко мне в бюро. Случилось что-то ужасное“. Я бросился в первый попавшийся вагон трамвая.

Оказалось, что к концу дня письма были взяты с почты господином в штатском. Три сыщика последовали за ним до площади Стефана, где этот господин взял такси и уехал. В то время такси было мало, второго на площади не оказалось, и наши наблюдатели увидели, как почти попавшая

в их сети дичь ускользнула. Они решили ждать возвращения такси, номер которого они заметили. Спустя некоторое время такси вернулся, и шофер сказал, что он свез своего пассажира в гостиницу „Кломзер“. Осмотрев автомобиль, сыщики нашли в нем футляр перочинного ножика, по-видимому, забытый пассажиром. Сыщики отправились в гостиницу, где один из них спросил портье, кто из постояльцев приехал недавно на такси.

„Начальник штаба пражского корпуса полковник Редль“, – ответил портье.

Сыщик уже подумал, что портье неправильно показал, как вдруг этот самый постоялец, которого он преследовал с самой почты, стал спускаться с лестницы. Сыщик быстро подошел к нему и спросил:

„Не вы ли, г-н полковник, потеряли этот футляр?“

Редль ответил, что он, и все сомнения рассеялись.

В то время как два сыщика последовали за вышедшим полковником, третий поспешил со своим сообщением к статскому советнику Гайеру.

Услышав сообщение, что многолетний член нашего разведывательного бюро, военный эксперт на многочисленных шпионских процессах разоблачен как предатель, я окаменел. Потом пошла печальная работа».

Когда вечером 24 мая 1913 года полковник Редль забрал письма, полицейские доложили шефу государственной полиции Эдмунду фон Гайеру, тот позвонил Ронге. Разорванные и выброшенные Редлем почтовые квитанции от писем, отправленных на адреса прикрытия за границу, собственноручно подписанное им на почте подтверждение получения, да и само поведение Редля, заметившего слежку за собой, не оставляли сомнений. Ронге проинформировал своего шефа и взял с собой военного судью, без которого нельзя было сформировать «необходимую для вмешательства судебную комиссию». Начальник Императорского и королевского Генерального штаба Франц Конрад фон Хётцендорф приказал «арестовать полковника Редля». Редль был подвергнут допросу в своем номере в отеле «Кломзер» комиссией офицеров. Во время допроса он признался Ронге, что «в 1910–1911 годах оказывал крупные услуги иностранным государствам» и действовал без сообщников. Это оказалось верным. После этого комиссия удалилась, чтобы «дать возможность преступнику быстро покончить с жизнью». Редль застрелился из переданного ему пистолета 25 мая 1913 года. Ему было 49 лет. Смерть «бывшего полковника» была установлена одним «детективом» утром следующего дня, который вошел в по-прежнему находящийся под наблюдением отель. Шеф Эвиденцбюро полковник Август Урбански и военный аудитор, занимающийся расследованием, оба в штатском платье, утром 25 мая выехали в Прагу, сообщили обо всем тамошнему военному коменданту, начальником штаба у которого был Редль, и начали обыск в квартире и в бюро Редля. Гарнизонному суду в Вене было сообщено лишь о том, что полковник Редль совершил самоубийство и Генеральный штаб назначил расследование. За это время в военную канцелярию императора была послана первая «телефонная депеша»: «Полковник Генерального штаба Альфред Редль... сегодня ночью застрелился в отеле „Кломзер“ по пока не выясненным причинам». Другая подобная краткая депеша была передана 26 мая в прессу. Следствие в Праге было завершено 26 мая.

Австрийское командование пыталось скрыть истинные причины смерти Редля. Официальное телеграфное агентство разослало сообщение о смерти Редля, в котором, между прочим, писало: «Высокоталантливый офицер, которому предстояла блестящая карьера, в припадке сумасшествия, находясь в Вене при исполнении своих служебных обязанностей и т. д.» Были даже, в целях маскировки, назначены торжественные похороны с военными почестями. Но уже 29 мая в иностранных газетах появилось так много статей с разоблаче-

нием дела Редля, что Хётцендорф был вынужден отказаться от своей тактики замалчивания. Торжественные похороны были отменены.

Тайна Николая Батюшина

Генерал-майор Николай Степанович Батюшин был самым известным из руководителей российской разведки в Первой мировой войне. В 1899 году Батюшин окончил академию Генерального штаба. В чине капитана он с 11 мая 1903 года был помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа и, возможно, имел отношение к вербовке полковника австрийского Генштаба Альфреда Редля. Накануне назначения Батюшина случилось ЧП. В конце января 1902 года был арестован старший адъютант штаба округа подполковник А. Н. Гримм, обвиненный в шпионаже в пользу Германии и Австро-Венгрии. М. Ронге писал в мемуарах: «В 1902 году разведывательной деятельности против России был нанесен тяжелый удар. В Варшаве был арестован германский агент – русский подполковник Гримм». Он был лишен воинского звания, дворянского достоинства, чинов, орденов и медалей и всех прав состояния и сослан в каторжные работы на 12 лет. Судя по всему, Гримм был самым высокопоставленным агентом германской разведки.

Батюшин участвовал в Русско-японской войне, будучи помощником старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии, и был произведен в подполковники. После войны Батюшин стал старшим адъютантом штаба Варшавского военного округа и в 1908 году был произведен в полковники. Николай Степанович вспоминал: «Особенную пользу принесло мне почти десятилетнее пребывание в должности начальника разведывательного отделения нашего главнейшего военного округа – Варшавского (1905–1914 годы), на долю которого приходилось две трети границы с Германией и Австро-Венгрией». В аттестации на Батюшина говорилось: «Работает очень много, причем проявляет инициативу, самостоятельность взглядов и упорство в их проведении. Но в организации самого дела, в наиболее сложных и трудных случаях не всегда выказывает достаточно умения, живости и сноровки». До начала Первой мировой войны Батюшин разоблачил 33 шпиона, которые стали фигурантами 17 судебных процессов, но далеко не всегда им был вынесен обвинительный приговор.

Николай Батюшин

В октябре 1914 года Батюшин стал начальником разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта. В феврале 1915 года вместе с генерал-квартирмейстером штаба фронта генералом М. Д. Бонч-Бруевичем он сфабриковал знаменитое дело полковника Мясоедова. Благодаря этой фальшивке Николай Степанович стал генералом для поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта и в декабре был произведен в гене-

рал-майоры. Одной из задач Батюшина в качестве начальника разведки и контрразведки был сбор компромата на Распутина. Он добился ареста 10 июля 1916 года близкого к Распутину банкира Дмитрия Рубинштейна по обвинению в связях с немцами. Поводом для ареста послужили финансовые операции по учёту векселей Немецкого банка в Берлине, продаже акций Российского общества «Якорь» германским финансистам и взимание Рубинштейном высоких комиссионных с русских заказов за границей. Однако никаких улик против Распутина и императрицы получить не удалось. Александра Федоровна писала императору: «Рубинштейна [надо] без шума [отправить] в Сибирь; его не следует оставлять здесь, чтоб не раздражать евреев. – Прот[опопов] (министр внутренних дел. – Б. С.) совершенно сходится во взглядах с нашим Другом на этот вопрос. – Прот[опопов] думает, что это, вероятно, Гучков подстрекнул военные власти арестовать этого человека, в надежде найти улики против нашего Друга. Конечно, за ним [Рубинштейном] водятся грязные денежные дела, – но не за ним же одним». В результате пять месяцев спустя Рубинштейн был освобожден, после убийства Распутина опять арестован, а потом освобожден уже Февральской революцией. А после Октябрьской революции Рубинштейн активно сотрудничал с большевиками, осуществляя на Западе операции с советскими векселями. Тогдашний прокурор Петроградской судебной палаты Сергей Владиславович Завадский вспоминал, что когда он познакомился с материалами дознания, проведенного Батюшиным по делу Рубинштейна, то не мог «забыть того чувства подавленности, которое овладело мною по прочтении этого детского лепета: все слухи, все сплетни, все обрывки без начала и конца». Завадский написал для Батюшина памятку, что дополнительно надо установить дознанием, чтобы начать следственные действия, иначе все усилия контрразведчиков обернутся против них и Рубинштейна придется освобождать из тюрьмы.

«Батюшин на меня вознегодовал ужасно: против освобождения Рубинштейна он восставал с жаром, говоря, что военное командование этого не потерпит, а дознание, в котором запутался, хотел отпихнуть от себя во что бы то ни стало. Я понимал положение генерала: продолжать дознание без надежды закончить его удовлетворительно значило бы еще больше отягчать свою ответственность за длительное содержание человека под стражей без достаточных улик, а идти на немедленное освобождение обвиняемого в порядке следственных действий было бы все равно, что разом подчеркнуть неправильность принятой комиссией меры пресечения. Более того, я отдавал себе отчет в своем положении: каких только собак не повесит на меня командование, да и оно ли одно, когда следователь освободит такую крупную дичь среди отысканных военными властями изменников. Но помочь ни генералу, ни себе я ничем не мог, а должен был подчиняться тому, что мне говорили закон и человеческая совесть».

Батюшин, не будучи хорошим профессионалом, стремился повысить свою репутацию с помощью дел, в которые были вовлечены известные лица, но, как правило, не имея на руках прямых улик. Добавим, что Батюшин пользовался услугами такого авантюриста, как И. Ф. Манасевич-Мануйлов, который был арестован в августе 1916 года и осужден в феврале 1917 года к полутора годам исправительных арестантских рот за шантаж и мошенничество. В 1918 году Манасевича-Мануйлова расстреляла ВЧК.

В начале 1917 года Батюшин все еще возглавлял комиссию по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта, а после Февральской революции оказался не у дел. 8 апреля 1917 года его арестовала Чрезвычайная следственная комиссия, но до ноября, когда его освободили большевики, он так и не был допрошен. В годы Гражданской войны Батюшин состоял при штабе Крымско-Азовской армии, потом при штабе вооруженных сил Юга Рос-

сии. После эвакуации из Крыма с армией Врангеля генерал Батюшин проживал в Белграде, где читал лекции на местном отделении Высших военно-научных курсов профессора генерала Головина. Эти лекции стали основой его мемуаров «Тайная военная разведка и борьба с ней», изданных в Софии в 1939 году. В годы Второй мировой войны Батюшин переехал в Бельгию, где и скончался в доме для престарелых в Брен-ле-Конт, провинция Эно. В октябре 2004 года его прах был перезахоронен на Николо-Архангельском кладбище в Москве.

Тайна сэра Джорджа Мэнсфилда Смита-Камминга

Капитан британского флота (соответствует армейскому полковнику) сэр Джордж Мэнсфилд Смит-Камминг был первым начальником британской Секретной разведывательной службы, основанной в 1911 году как иностранный отдел Бюро секретной службы (другие отделы бюро занимались главным образом контрразведкой; само создание Бюро в 1909 году было реакцией на убеждение британского общественного мнения в том, что все живущие в стране немцы – это шпионы). Ведомство Смита-Камминга подчинялось как Военному министерству, так и Адмиралтейству, что обеспечивало относительную независимость секретной службы, в которой были два отдела – армейский и военно-морской. С началом Первой мировой войны иностранный отдел был преобразован в Управление разведки секция 6 – МИ-6 (Secret Intelligence Service, Directorate of Military Intelligence Section 6, MI6), а контрразведывательный отдел – в Службу безопасности – МИ-5 (Security Service, Military Intelligence Section 5, MI5). Собственной сети в Германии МИ-6 создать не успела, так что приходилось работать в основном через агентуру в нейтральных странах, а также в Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Большое значение Смит-Камминг придавал научно-технической разведке. Большое значение имело то, что уже с осени 1914 года британские разведчики читали германский военно-морской код. Надо сказать, что до начала Первой мировой войны финансирование МИ-6 было довольно скудным.

Джордж Мэнсфилд Смит-Камминг

Просмотренные бумаги Смит-Камминг подписывал одной буквой «С», написанной зелеными чернилами. От Captain (капитан). С тех пор все руководители МИ-6 неизменно подписывали просмотренные бумаги «С», но теперь уже от Chef (начальник).

В 1914 году Смит-Камминг попал в серьезную автомобильную аварию во Франции, в результате которой погиб его сын, а самому капитану пришлось ампутировать левую ногу. Потом он нередко шокировал посетителей, когда показывал свой протез перочинным ножом, ножом для резки бумаги или авторучкой.

С началом Первой мировой войны Смит-Камминг занялся также контрразведывательной деятельностью и участвовал в разоблачении 22 германских шпионов в Англии. 11 из них впоследствии были казнены. Когда Смит-Камминг открыл, что мужское семя может

служить неплохими симпатическими чернилами, его агенты придумали лозунг: «У каждого мужчины есть свое собственное стило».

Самыми знаменитыми агентами Смита-Камминга были командор Аугустус Агар, работавший в России после революции, Пол Дюкс, «человек с сотней лиц», который был уроженцем Риги и работал в России в годы революции и Гражданской войны и помог бежать в Финляндию сотням тех, кто был арестован ЧК или взят в заложники, шотландец Комптон Макези, занимавшийся вопросами разведки и контрразведки в ходе Дарданелльской операции и позднее в Греции, а также знаменитый писатель Уильям Сомерсет Моэм, сначала работавший в Швейцарии против Германии, а затем по просьбе МИ-6 предпринявший в июне 1917 года поездку в Россию, чтобы бороться с германской пацифистской пропагандой.

После Первой мировой войны ведомство Смита-Камминга, тогда именовавшееся МИ-1, занялось борьбой с ирландскими националистами и сыграло важную роль в англо-ирландской войне 1919–1921 годов, разоблачив многих активистов Ирландской Республиканской Армии. Однако ИРА нанесла мощный ответный удар. 21 ноября 1920 года, в «кровавое воскресенье», ее боевики уничтожили сразу 14 агентов Смита-Камминга, после чего уцелевшие агенты были отозваны из Ирландии. Всего в тот день от рук террористов погиб 31 человек. Восстановить разведывательную сеть в Ирландии Смит-Каммингу удалось только весной 1921 года, незадолго до окончания войны.

Смит-Камминг оставался во главе секретной службы до самой своей смерти 14 июня 1923 года в Лондоне в возрасте 64 лет.

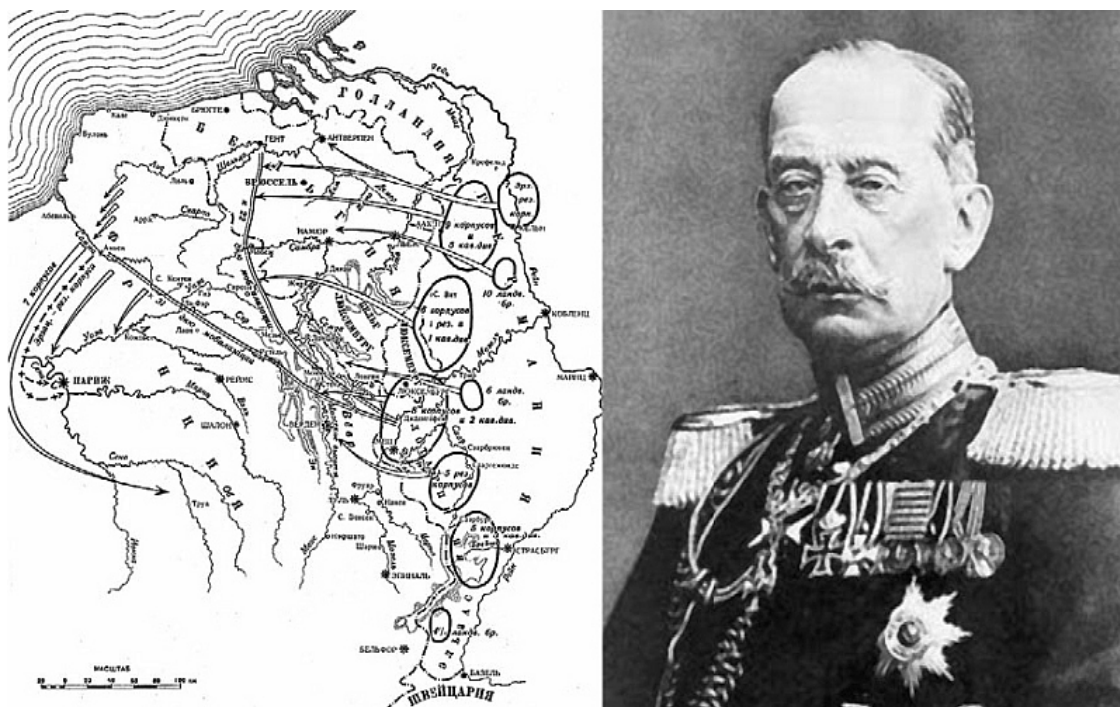
Тайна плана Шлиффена

План Шлиффена был назван по имени начальника германского Генерального штаба в 1891–1905 годах фельдмаршала графа Альфреда фон Шлиффена. Он предусматривал молниеносный разгром Франции. Некоторые изменения в план были внесены преемником Шлиффена генералом Гельмутом фон Мольтке.

После того как в 1904 году был заключен франко-русский союз, Шлиффен начал разрабатывать план войны на два фронта – против Франции и России, который был завершен уже Мольтке. Считалось, что главным образом против России будут действовать войска германской союзницы Австро-Венгрии. Против России в Восточной Пруссии разворачивалась 8-я германская армия, которая после мобилизации должна была насчитывать 200 тыс. человек и 1000 орудий.

По расчетам Шлиффена, через 39 дней следовало захватить Париж, а через 42 дня после начала войны Франция должна была капитулировать. После этого 90% войск должны были быть повернуты против России.

Прямая атака через общую франко-германскую границу могла захлебнуться на укреплениях, построенных после франко-прусской войны и протянувшихся почти сплошной полосой от бельгийской до швейцарской границы. Длительная осада крепостей ставила план войны под угрозу. К тому же французы имели бы возможность отступить, сохранив армию. Шлиффен планировал обойти и окружить французскую армию. Для этого требовалось растянуть свой правый фланг к северу до Мезьера. Но после перехода через Маас германская армия оказалась бы разделенной надвое, тогда как основные силы французской армии были бы сосредоточены против ее центра. Такое положение было признано слишком рискованным. Можно было бы сместить к северу значительную часть германской армии и наступать не на линии Верден – Бельфор, к югу от Вердена, а на линии Лилль – Верден, к северу. При этом германские войска должны были пройти через территорию нейтральной Бельгии. Первоначально Шлиффен предполагал всего лишь «срезать угол» Бельгии восточнее Мааса, но к 1905 году речь шла уже о гигантском обходном маневре через Льеж и Брюссель. Затем немцы поворачивали на юг, в равнинную Фландрию, обходя французские укрепления. Путь был неблизким, но Шлиффен полагал, что в этом случае наступление будет развиваться быстрее, чем при длительном прогрызании укрепленной линии. При этом план предусматривал намеренное ослабление левого фланга немецкой армии в Эльзас-Лотарингии, где ожидалось французское наступление. Шлиффен рассчитывал, что там недостаток войск компенсируют укрепления Меца и Страсбурга. Можно было надеяться сдержать наступающую французскую армию между Мецем и Вогезами до тех пор, пока основные немецкие силы одержат победу в генеральном сражении в Северной Франции.

Граф фон Шлиффен и его план

Немцы полагали, что Великобритания, выступавшая гарантом нейтралитета Бельгии, наверняка объявит войну Германии после германского вторжения в Бельгию, но не успеет существенно повлиять на войну на континенте и полностью перебросить экспедиционный корпус до разгрома Франции. В то же время, уже в варианте плана 1905 года, Шлиффен допускал, что британский экспедиционный корпус успеет принять участие в сражениях во Франции. Из той же предпосылки исходил и Мольтке в варианте плана, разработанном в 1908 году. Оба они рассчитывали на качественное превосходство германской армии в уровне командования и боевой подготовки как над французами, так и над британцами. Была также надежда, что Бельгия не станет сопротивляться германской армии и пропустит ее через свою территорию, подчинившись ультиматуму.

В 1904 году император Вильгельм II отклонил идею Шлиффена о немедленном нанесении удара по Франции, пока Россия занята войной с Японией. Кайзер считал, что германская армия не вполне готова, кроме того, в этом случае можно было ожидать немедленного выступления Англии на стороне Франции и прекращения Русско-японской войны.

Французский дивизионный генерал Виктор-Констан Мишель, заместитель главы Военного совета и в 1912–1914 годах военный губернатор Парижа, в 1911 году предложил оборонительный план, предусматривающий развертывание французской армии на рубеже Верден – Намюр – Антверпен, т. е. с вступлением французских войск в Бельгию, чтобы перекрыть направление вероятного наступления немцев через Бельгию. Но идея оборонительной войны, равно как и идея использовать резервистов, были отвергнуты другими французскими генералами, и в самом начале войны Мишель был отправлен в отставку.

Мольтке-младший отказался от идеи использования голландских дорог, чтобы не умножать число немецких врагов и не допустить высадки британских войск в Голландии. Вступление Англии в войну из-за нарушения бельгийского нейтралитета считалось делом предпрешенным. Также в Берлине еще теплилась наивная надежда, что в случае затягива-

ния войны и установления британским флотом блокады Германии и ее союзников, можно будет получать необходимый импорт. В действительности англичане задерживали все суда, направлявшиеся в голландские порты, если подозревали, что на них есть грузы, предназначенные для Германии. Сужение фронта вторжения из-за отказа использовать территорию Бельгии замедляло темп движения германских войск.

В 1910 году в качестве альтернативы плану Шлиффена в Германии был разработан план нанесения первого главного удара по России. Сам Шлиффен ушел в отставку еще в 1906 году. Однако на маневрах 1912 года выяснилось, что русские войска успеют отступить из Польши за линию Западного Буга еще до того, пока сомкнутся германские клещи. А к моменту выхода германских и австро-венгерских войск на Западный Буг французские войска уже могли достичь Рейна. После этого идея первого удара по России была окончательно отвергнута. Хотя начальник австро-венгерского генштаба Конрад фон Хётцендорф настаивал на совместном ударе на Седлец в Польше, германское командование решило отказаться от активных действий на русском фронте в первые недели войны. План Шлиффена исходил из мобилизационной готовности России только на 40-56-й день после начала мобилизации. До этого Шлиффен не ожидал наступательных действий со стороны России.

Уже после завершения Первой мировой войны, в начале 1930-х годов, польский генерал Владислав Сикорский писал, что «план Шлиффена был слишком бумажным и вовсе не считался с условиями, которые через десять лет оказали столь решающее влияние на его выполнение. Известно также, что если бы даже Шлиффен был жив и сам руководил действиями в согласии со своим планом, составленным за десять лет до этого, то, натолкнувшись на непреодолимые и непредвиденные для него затруднения, он, по всей вероятности, не достиг бы намеченного успеха, приспособивая собственные оперативные намерения к событиям, происходящим в 1914 году во Франции».

Основными факторами, приведшими к срыву плана Шлиффена, стали недооценка германским командованием боеспособности французских, британских и бельгийских войск, замедливших продвижение германского правого крыла, и более быстрое, чем рассчитывали Шлиффен и Мольтке, сосредоточение превосходящих неприятельских сил на наиболее угрожаемых участках фронта. Кроме того, в тот момент, когда стало ясно, что участие Англии в будущей войне из-за все более обострявшихся англо-германских торговых противоречий и военно-морского соперничества неизбежно, даже падение Парижа без полного уничтожения французской армии не означало бы конца войны. При помощи Англии и стран Британской империи французы могли бы воссоздать фронт, что означало бы затяжную войну, к которой Германия и Австро-Венгрия не были готовы. Немаловажным было и то, что Италия не вступила в войну на стороне Германии, как это предусматривалось Тройственным союзом, и не отвлекла на себя часть французских сил.

Возможно, план Шлиффена удалось бы реализовать, если бы в дополнение к германским войскам на Западный фронт в первые же дни войны были бы переброшены 15–20 австро-венгерских дивизий. Они могли бы занять позиции на более спокойных участках центра и левого крыла, а освободившиеся там германские дивизии могли бы усилить правое крыло. Благодаря такому усилению двигавшиеся через Бельгию германские войска смогли бы нанести решающее поражение англо-франко-бельгийским войскам и уничтожить основную часть французской армии. В этом случае Франция, возможно, капитулировала бы или, если бы капитуляции не последовало, Германия оккупировала бы большую часть территории Франции и оставила бы против уцелевшей части французской армии лишь сравнительно небольшой контингент войск. Основные же силы Германия и Австро-Венгрия бросили бы затем против России и, скорее всего, принудили бы ее к миру на условиях уступки Польши. После этого сокрушение Сербии и Черногории вряд ли бы представляло собой большую проблему. Даже если бы Англия и стоявшая за ней Америка, а также разбитая Франция

продолжили борьбу, вряд ли бы война закончилась поражением Германии. Вероятнее всего, война тогда бы окончилась компромиссным миром, по которому Германия и Австро-Венгрия как минимум сохранили бы свои территории и колонии, а Германия даже могла бы рассчитывать на территориальные приобретения за счет Люксембурга и некоторых пограничных территорий Франции. Кроме того, вероятно, было бы создано Польское государство, зависимое от Центральных держав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.